

Протоиерей Николай Буткин

РОМАН «ВИНОГРАДАРИ. ЧАСТЬ II. ОБРЕЧЕННЫЕ»¹

В настоящей публикации вниманию читателей предлагается вторая часть романа протоиерея Николая Буткина (1882–1937) «Виноградари», названная автором «Обреченные» (первая часть романа опубликована в Вестнике ЕДС за 2014 г.), в которой описаны события 1917–1918 гг. В уездном зауральском городке Шадринске продолжается пастырское служение отца Григория Загуменных (псевдоним автора — прот. Николая Буткина). Описываемые сюжеты переносят читателя то на поля Южного Зауралья, где с чаяниями о дожде продвигается крестный ход крестьян, то к бурным событиям «эпохального» первого свободного Екатеринбургского съезда духовенства и мирян, то в гостиную земского начальника, где неожиданно разгорается жаркая полемика о судьбе русского духовенства и о человеке. И даже... разверзается бездна человеческой души, представленная в письмах прихожанки. Смелое, точное и глубокое слово пастыря, тонко чувствующего боль человеческой души, обращено не только к горожанам послереволюционного Шадринска, но и к современному читателю.

Роман является уникальным источником как по церковной истории Шадринска в эти переломные годы, так и в целом по истории Екатеринбургской епархии. Но самое главное — он отражает жизнь провинциального пастыря в сложное время социальных и политических перемен. В нем нашли отражение личные искания автора, связанные с осмыслением своего пастырского служения. Роман дарит читателям встречи с живыми людьми, воскрешает историческую память о трагических страницах истории Церкви и Отечества начала XX в.

Ключевые слова: *протоиерей Николай Буткин, роман «Виноградари», гражданская война, Русская Православная Церковь в XX в., город Шадринск, история Екатеринбургской епархии, отец Григорий Загуменных.*

¹ Настоящая публикация продолжает публикацию романа «Виноградари». Первую часть см.: Буткин Н., прот. Роман «Виноградари. Часть I. Сеятель» (вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2 (8). С. 289–376.

Протоиерей Николай Буткин — удивительный уральский пастырь, был известен еще в начале XX в. своими проповедями и миссионерской деятельностью, его называли даже «уральский Златоуст». Биография и обзор письменного наследия о. Николая опубликованы нами ранее², поэтому мы остановимся лишь на основных моментах, касающихся романа «Виноградари».

Автобиографический роман «Виноградари» сохранился в следующих частях:

— Сеятель. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132. Тетр. VIII. Л. 1–84. Двусторонний рукописный текст формата общей тетради, о событиях в г. Шадринске в 1916–1917 гг.;

— Обреченные. ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 132. Тетр. IX. Л. 1–97. Двусторонний рукописный текст формата развернутого двойного листа общей тетради, о событиях в г. Шадринске в 1918–1919 гг.

Роман «Виноградари» состоит из нескольких частей. При публикации первой части мы условно обозначили часть романа под названием «Сеятель» как первую. Однако в рукописи содержится указание на то, что часть «Сеятель» является продолжением романа «Виноградари». Это позволяет предполагать, что существовали части, предварявшие «Сеятель», но в настоящее время не дошедшие до нас. Настоящая публикация начинает издание второй части романа, названной автором «Обреченные». Так как объем рукописи значительный, вторая часть публикуется ниже не полностью; в одном из следующих номеров публикация будет продолжена.

В тексте пунктуация современная, титлы раскрыты, твердый знак в конце слов убран, неупотребляемые ныне буквы заменены на соответствующие буквы современного алфавита. Разделительным знаком (||) отмечаются границы между листами рукописи.

*Вступительная статья, публикация и примечания
С. Г. Буткиной*

² Биографию, обзор письменного наследия и первую часть романа см.: Там же.

л. 1

Глава третья Обреченные

После Троицы³ начались богомолья — хождения с иконами по полям с молебствиями о дожде⁴ и благополучном произрастании хлебов. Еще на школьной скамье Загуменных приходилось слышать мнения, что моления о дожде ни больше ни меньше как пережиток дикости. Но он смотрел на это дело иначе. По его убеждению, чистый источник веры давно засорен и завален культурным слоем привычек и умонастроений. Но в известных точках, особенно в народной жизни, ручей веры пробивается наружу. Одним из таких моментов и являются богомолья. Они, по мнению о. Григория, были истинным испытанием веры в милосердие⁵ Божие. А потому предложения крестьян походить с иконами по полям⁶ он принимал с радостью, но всегда постился в эти дни и шел на богомолье как на подвиг за людей перед Богом. С первого же шага он показал это. Когда крестьяне, подняв из часовни иконы, пошли, а ему с дьяконом предложили сесть на подводу, чтобы доехать до первой стоянки в поле, о. Григорий властно остановил крестный ход, заявив, что пойдет л. 1 об. пешком за иконами. И тут же, взяв в руки крест напестольный, || встал за икононосцами впереди народа. Он слышал, что богомольцы на ходу пели молитвы, но сам шел молча, взывая ко Господу. «По вере вашей

³ Праздник Святой Троицы в 1917 году приходилась на 3 июня (по н. ст.).

⁴ Молебствия о дожде — многовековая традиция крестных ходов, совершаемых как в определенные праздники, дни святых и чудотворных икон, так и в конкретных обстоятельствах, требующих каждый раз назначения срока — начало и конец сельскохозяйственных работ, первый выгон скота, засуха, непрерывные дожди, эпидемии людей и скота, необходимость освятить определенные места (перекрестки, колодцы и др.).

⁵ Здесь и далее заглавной буквой автор подчеркивает смысловую значимость слов.

⁶ Шествие с крестом, хоругвями и иконами, сопровождаемое молебнами о милости Божией и с просьбами о дожде.

будет вам», — вспоминал он эти и подобные им слова Евангелия и напряженно молился.

Пришли к первой стоянке. Около лесочка была устроена из ветвей палатка с полками для икон. Расставив иконы по местам, начали молебствие. Помолвились изрядно. Три акафиста прочел батюшка сполна. По окончании чинопоследования окропил близлежащее поле освященной водой и приготовился, держа крест в руке, идти дальше. До следующей стоянки пришлось идти версты три. День был солнечный, жаркий. Небо выглядело как спокойное море, без единого облачка. Тем настойчивее молился про себя о Григорий. «Господи, — твердил он из души выходящие слова, — пред Тобой народ, у которого нет на земле заступника. Помоги и утешь их».

Когда закончили молебствие на второй стоянке, солнце склонялось уже за полдень. Мужики предложили батюшке закусить. Он согласился, распорядившись вместе с тем, чтобы иконы оставили на местах. Разостлали скатерть на земле и сели за уху. Но только что начали есть, как произошел непредвиденный случай. Хозяин поля, пошептавшись предварительно с дьяконом, || подошел к провиантской корзине и, вы- л. 2 тащив оттуда бутылку водки, стал наливать в стакан.

— Это что такое, зачем? — вспылил батюшка, вскочив с места, — хотите осквернить молитву?

Он быстро выхватил бутылку из рук растерявшегося мужика и швырнул ее в сторону поля. Сам сейчас же велел поднимать иконы. Мужики было стали уговаривать его не сердиться, сесть за обед, но он сильно волновался и ему хотелось успокоиться на ходу. Перед тем как идти, он сказал:

— Вот что, братцы! Пойдемте с миром молиться дальше. Но запомните. Никогда не скверните этой молитвы на полях пошлой выпивкой. Господу приятен подвиг.

Молились еще на двух остановках. Но уже когда подходили к последней стоянке, к радости о Григория, повеяло ветерком, по небу плавали сгущенные облака, а там, с юга, шла большая синяя туча. Богомольцы участливо переговаривались по этому поводу. Батюшка все замечал, но не выдавал своего волнения и продолжал молиться. Одна мысль настойчиво исходила из сердца: «Пошли, Господи, знамение. Пусть уверятся, что не напрасно ходили мы с молением по полям». Домой шли,

слыша отдаленный гром и видя сверкание молнии. На лицах богомольцев сияла радость. Утомления не чувствовалось. ||

л. 2 об. — Вот и умолили Господа, — крестясь и показывая на тучу, говорили женщины батюшке.

Он же словно боялся скороспелой радостью спугнуть тучу. Сочувственно кивал головой и про себя молился. По домам разошлись сухими, но только о. Григорий сел с матушкой попить чайку, туча надвинулась и полил дождь. Он не мог усидеть от радости. Подходил к окнам, выбегал на крыльцо, любуясь свежестью и усиливающимся дождем. Вскоре дождь обратился в ливень, от грома звенели стекла в рамах, молния пускала по небу угрожающие стрелы. Но гроза не страшила, а радовала сердце. Она была как награда верующим, поощряя их в надежде на близость Господа.

Одна за другой соборные деревни выходили с иконами в поле. О. Григорий отзывался на приглашения охотно. Богомолья отвлекали его от грустной действительности и ставили в самое тесное общение с природой.

Вот идет он, окруженный толпой, по полям, межой. По ту и по другую сторону толпы — зелень хлебов. По краям пашен немудрые цветы: колокольчики, ромашка, повилка — так мило смотреть на них. Между тем зеленеющие пашни сменяются парами. От ног поднимается пыль, сухие комья земли, отбрасываемые ногами, напоминают, что земля ждет дождя. О. Григорий поднимает глаза к небу. Жаворонки высоко-высоко л. 3 иг- || рают в воздухе. Небо широко распахнуло свой зонт над землей и так нежно покрывает деревни, вдали виднеющийся город, леса, поля. Есть в этом просторе гипнотическая сила. Она действует на сознание усыпляюще, гася в нем тревожные мысли. Хочется просто жить, дышать, смотреть, и о. Григорий жадно впитывает в себя этот покой бесконечности, отвлекаясь от дум и забот житейских. Но подошли к стоянке.

О. Григорий читает акафист св. пророка Илии. И мысли батюшки невольно возвращаются к действительности. Жрецы Ваала напоминают ему самоуверенных вождей культуры. Иезавель олицетворяет собой дух времени. И кто знает, не надвигается ли на служителей Господних то же гонение, какое было во дни Иезавели? Он ищет в образе пророка себе подкрепление, и выразительна его передача по акафисту славных дел и знамений ревнителя веры. Моление окончено, о. Григорий снова с

народом на пути. Лицо его спокойно, ласково. Женщины, видя его обходительность, спрашивают:

— Ну как, батюшка! Умолили сегодня Господа?

Как ни прост этот вопрос, О. Григорий вздрагивает. В его мыслях все еще продолжается борьба человека Божия Илии со жрецами Ваала. Вопрос женщин волнует его, потому что он чувствует в их простых словах скрытый смысл.

— Кто восторжествует: люди веры || или Иезавель гонительница? л. 3 об.

Батюшка, к удивлению спрашивающих, медлит с ответом. Он чувствует, как много нужно испытать людям Божиим. Но вера видит торжество Илии над жрецами Ваала, и о. Григорий отвечает.

— Молитесь, а Господь знает, когда и как подать просимое.

Женщины скромно оставляют батюшку. Крестный ход продолжается, и идут, идут богомольцы по родным полям, с любовью к земле, с верой в свой труд, с надеждой на милосердие Божие.

Богомолья — апофеоз земледельческих настроений. В них душа крестьянская выявляет тайну своих связей с землей. Не трудом одним и заботами о пашне выращивается хлеб на полях. Кроме этого, нужно иметь еще религиозное отношение к природе, ибо две заповеди даны человеку. «В поте лица ешь хлеб свой»⁷ — это первая заповедь и другая: «Взирай на Господа в печали своей, и Тот пропитает тебя»⁸. Эти мысли о. Григорий высказывает в проповеди крестьянам тут же, на молебствии. Он убеждает их крепче держаться за вторую заповедь, обещая им постоянную помощь от Господа. Крестьяне слушают, ободряются в вере своей и, единодушные, поднимают иконы. Остановка на обед. Невдалеке, на открытом месте колодец. Разоблачившись, о. Григорий идет к нему отдохнуть, пока приготавливают закуску. Он садится на сруб и дышит простором || и негой полей. Далеко-далеко вокруг зеленеют овсы, пшеницы. Воздух дрожит над хлебами от жару. Слабый ветерок разряжает духоту. Тихо кругом. Батюшка весь ушел в созерцание картины природы. Колодец в поле, жаркий полдень, тишина окружающая — напомнили ему встречу Христа с самарянкой⁹. «Вот и Христос так же сидел у колодца, отдыхая», — перебирал он в мыслях священное воспоминание. «Как сладко! Как хорошо!

⁷ Быт 3. 19.

⁸ Пс 54. 23.

⁹ Ин 4. 1–42.

Словно в доме Отца Небесного». Вдали виднеется синь. Там город. Там суета. Люди борются за кусок хлеба. Ищут путей к хорошей жизни. Ах, не идти бы туда, в этот омут страстей. А ждать бы и ждать, когда оттуда, вконец измученные смутами, придут сюда, к колодцу Иакова¹⁰, за водой Жизни. Но где Самарянка, которая бы направила их сюда?

— Батюшка, пойдём, ушка поспела.

Перед ним стояла женщина. Он смотрел на нее, все еще будучи во власти дум. Он словно искал в ней духовной любознательности самарянки. Но женщина казалось самой обыкновенной. О. Григорий шел за ней, а сам думал: «Кто знает? Кто знает! За внешностью не видишь, что скрывается внутри. Однако женщина и теперь стоит по вере выше мужчины. И л. 4 об. не они ли || приведут ко Христу отпавших и измученных мужей своих?».

Обед из ухи и квасу с хлебом сопровождается разговорами. Один старик рассказывает о батюшке Дождевике!

— Так его и прозвали мужики Дождевиком. Все священники молятся кругом о дожде — ничего. А позовут этого батюшку мужики, непременно тучки соберутся и дождь польет. Так-то ли любили его за это.

— Праведной жизни, значит, был человек — вставил свое слово степенный крестьянин.

— Кто его знает, — отозвался на это рассказчик. — На праздниках от водочки не отказывался, бывало и ослабеет под конец, ходя с крестом по домам.

— Ну, водка — не грех, — немного развязно заметил сосед дьякона. — Нашему брату крестьянину без нее не прожить. Зимой, в сырость — только ею и держишься.

Женщина-хозяйка, хлопочущая за обедом, видимо, прислушивалась к разговору и, обращаясь к мужикам, сердито проговорила:

— Вы бы лучше батюшку спросили — почему и как доходчива была молитва священника, а то к чему-то водку приплели.

¹⁰ Колодец глубиной ок. 35 м, расположен примерно в 500 м юго-восточнее ветхозаветного Сихема, на северо-западной стороне горы Гаризим (Быт 33. 18; Нав 24. 32; Ин 4. 6). Согласно самарянскому преданию, этот колодец, наполняющийся водой из источника (ср. ст. 11), был выкопан Иаковом, сыном Исаака (ст. 12). Близ этого места (современный Бир-Якуб) проходит дорога, по которой некогда путешествовали патриархи. Упоминаемый в Ин 4. 5 Сихарь — это, вероятно, современная деревня Аскар, находящаяся в 10 минутах ходьбы от колодца Иакова (URL: <http://bible.by/lexicon/brockhaus/word/2084/> (дата обращения: 21.10.2015)).

Мужики конфузливо смотрели на о. Григория. Он не стал дожидаться от них вопроса.

— Дары Божии, — учительно говорил он, — || даются не за праведность, а за усердие и искреннюю веру в Господа. Ваш батюшка Дождевик, — улыбнулся он при этом, — может быть, и грешил водочкой, но искренно умел молиться и желал мужикам добра. А о таких верующих в Писании сказано: «Иному дается от Бога дар исцелений, иному дар истолкования Писания, изгнания бесов, иному дар чудотворения».

Вопрос был исчерпан. Но беседа не прекратилась. Кто-то вспомнил о бывшем лет 5 тому назад градобитии. О. Григорий попросил рассказать. Рассказ начал сосед дьякона.

— Дело было после Тихвинской¹¹. Дождей не было давненько. Жара стояла несносная. Только и дум было у всех: вот бы дождичка. С полдня заходили облака по небу, и собралась такая туча, что страх взял. Главное дело, шла она с широкой белой полосой. А это уж верный знак — град падает. Мужики качали головами, бабы суетились, прятали птицу, скотину, скликали ребят в избу. А туча шла напрямиком на нас. Начался ветер. Молния, гром гремел, и большому страшно. Забрались все в избы, ждем. От женщин только и слышишь: «Заступи, Царица Небесная!». Да не заступила, видно. Такая ли буря поднялась, крыши железные || срывало. л. 5 об. Клоки соломы летали по улице как перья. И вдруг застучало, зазвенело, не приведи Бог. Градины валялись на земле с голубиное яйцо. С ветреной стороны все стекла повыбило. Поднялся плач, ребята перепуганные кричали. Женщины запричитали. И часу не прошло, все было готово. Поехали в поле, — ни одного стебля на пашнях, повыбило, искрошило, словно бы машиной. Беда горькая, а винить некого.

— Как это некого? — вступилась хозяйка. — Тут вот забыл о водке-то, проклятой, помянуть. А в ней вся причина. Пьют, пьют в праздники. Хоша в ту же Тихвинскую. Господь-то и наказал.

— Как же прожили год? — спросил о. Григорий, умеря впечатленье от правдивого, но сурового выпада женщины.

— А так и прожили. Питались лебедой, нанимались в рабочие к тем, у кого хлеб был. Кое-кто и поумирал, конечно. Что делать? У мужиков беда да нужда — гостья частая.

¹¹ Праздник Тихвинской иконы Божией Матери — 26 июня / 9 июля.

От рассказа повеяло грустью. Захотелось развеять ее бодрым словом, и о. Григорий сказал:

— Не будем жаловаться, братцы! Не там беда, где слезы да нужда, а там беда, где грех да вражда. Сегодня Господь посетил нас нуждой, зато зав-
л. 6 тра Он же и утешит нас. Будьте только верны || Ему и в горе, и в радости.

Батюшка проверил глазами впечатления и, видя, что его слова выслушаны с вниманием, он весело закончил: «Идемте молиться».

И молились. Три недели в таких богомольях прошли, как один день. О. Григорий отдохнул, загорел, словно на дачу съездил. Матушка, смеясь, говорила ему:

— Ты совсем омужичился. Наверно, и говорить будешь «почё» да «эфто».

— Ничего, Надя. Это не вредно, — весело отвечал батюшка, — по-
праздновал я за эти недели, теперь воевать будем.

Он и не подозревал, что ему действительно скоро придется вступить в бой. А вышло так, и вызвали его к этому действия отцов на Епархиальном съезде. Расскажем об этом подробнее.

Епархиальный съезд собирался на сей раз в необычном порядке. Во 1-х¹², созыву его предшествовало послание Синода ко всем чадам Православной Церкви¹³ о том, что по усмотрению церковной власти и с разрешения правительства созывается церковный Собор¹⁴ для присутствия на котором Епархиальный съезд должен был выбрать двух делегатов — одного из духовного звания, а другого мирянина, и во 2-х¹⁵, по отношению
л. 6 об. Ек[атеринбург]ской епархии от того же Синода || имелось распоряжение, что еп[ископ] Серафим¹⁶, правящий до сих пор епархией, увольняется.

¹² Во-первых (сокращение по тексту рукописи).

¹³ 29 апреля 1917 года Святейший Правительствующий Синод Российской Православной Церкви принял послание «Архипастырям, пастырям и всем верным чадам Святой Церкви», в котором, в частности, говорилось, что «издревле господствующее в Православной Церкви выборное начало должно быть проведено во все доступные для него формы церковного управления...». Подробнее см.: *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008. С. 148–149.

¹⁴ Поместный Собор Православной Российской Церкви (1917–1918).

¹⁵ Во-вторых (сокращение по тексту рукописи).

¹⁶ Епископ Серафим (Голубятников) возглавлял Екатеринбургскую кафедру с 1914–

Епархиальному съезду предлагается произвести выборы нового епископа. Казалось, наличие таких чисто деловых и серьезных задач, поставленных перед съездом духовенства, должны были освободить отцов от всякой ненужной декламации и вредного уклона в политику. Но это возможно было только в том случае, если бы церковное дело было для отцов их собственным делом и волновало их не меньше, чем вопросы о доходах, церковной земле и духовных школах. Этого, однако, не замечалось. Духовенства на съезд съехалось много¹⁷. Собрались не только выборные депутаты, но и гости, привлеченные интересом к первому свободному собранию церковников. Дня за два до открытия съезда епархиальное училище, предоставленное за освобождение от занятий в распоряжение депутатов съезда, заполнено было священниками и дьяконами до отказа. По всем классным комнатам, уголкам зала, коридора, шли кружковые беседы. Небезынтересно послушать, о чем и какие велись разговоры. Горячо обсуждались факты изгнания священников прихожанами из приходов. Какой-нибудь батюшка искренно возмущался произволом || мужиков, считая изгоняемых священников просто жертвами дикости и л. 7 темноты. Но тут вмешивался староста — выборные от мирян, в большинстве случаев, были представлены старостами. Он упирал на то, что надо принять во внимание и положение прихожан. Изгоняют не везде, значит, там, где это случилось, имелись достаточные основания. Видимо, за батюшками водились грешки, и немалые. «Кто же без грехов?», — слышался недовольный отпор говорящему со стороны духовных.

— Так-то так, отцы, — спокойно продолжал староста. — Но теперь время другое настает. Власть церковная не напрасно признала за приходами право избирать духовенство.

1917 г. (История Екатеринбургской епархии. С. 536). 17 марта 1917 г. на съезде представителей Комитета общественной безопасности Екатеринбургского уезда был представлен особый акт, в котором, в частности, говорилось: «...съезд постановил просить Временное правительство о немедленном удалении Епископа Серафима из Екатеринбургской епархии». 21 марта 1917 года епископ Серафим навсегда покинул свою покойную паству (см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 164; Верноподданный архипастырь: служение епископа Серафима (Голубятникова) в Екатеринбургской епархии / *авт.-сост. В. В. Богомолов.* Екатеринбург: Изд-во Уральского церковно-исторического общества, 2014. 359 с.).

¹⁷ *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 26–28; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 172–174.

Разговор в кружке, где были миряне, после этого прекращался. Но где-нибудь сходились одни батюшки, и тут уже пожилой, с золотым крестом на груди иерей, высказывался.

— Не надо бы спешить с выборным началом. Это хорошо там, где народ приучен к общественной жизни и, к тому же, имеет понятие. А у нас мужик каков? Ему что ни весть творить, лишь бы подешевле, да льгот побольше.

Споров на этот счет не было. Только кто-нибудь из неугомонных, желая вызвать на разговор замолчавших, вдруг вставлял:

л. 7 об. — А вот мы как будем выбирать || епископа-то?

Братия вскидывали глаза на говорившего, точно ожидая, что он скажет дальше. Но тот молчал. Тогда тот же иерей осторожно замечал:

— Сие тоже для нас затруднительно. Кого мы знаем? На западе так там у всех на глазах конгрегации, ордена и кандидаты на церковные должности связаны с жизнью приходов тесно, а у нас? — он умолк, пожав плечами.

Но неугомонный опять вмешался. На этот раз, пожалуй, не совсем благочинно.

— У нас тоже есть монастыри: Д[алматов]ский, Вер[хотур]ский. Выбрать, разве, Каллистрата¹⁸.

Каллистрат был архимандрит Вер[хотур]ского монастыря, безграмотный и грубый. Батюшки поняли насмешку, неловко улыбались и расходились, боясь соблазна попасть в соучастие с заговаривающимися.

В большой сравнительно компании обсуждался закон революционного правительства об изъятии из ведения духовенства церковно-приходских школ¹⁹. Распоряжением власти церковно-приходские школы прекращали свое существование. Отныне должны существовать только

¹⁸ С 1905 по 1925 г. настоятелем Верхотурского Николаевского монастыря был игумен (с 1913 г. — архимандрит) Ксенофонт (Медведев). Прот. Н. Буткин или сознательно изменил, или, что вероятнее, забыл (перепутал) имя, когда писал свой роман. Об архимандрите Ксенофонте см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 147; *Иванова О. [В.]*. Покаяние архимандрита Ксенофонта // Кифа. 2014. Декабрь. № 15 (185).

¹⁹ Декретом Временного правительства от 20 июня 1917 г. церковноприходские школы и другие церковные училища были переданы из ведения Святейшего Синода в ведение Министерства народного просвещения (*Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 115).

школы министерские. Здания церковно-приходских школ передавались в ведение земств. Сожаление о том, что духовенство лишалось обучать по-своему, не было заметно. Распоряжение правитель- || ства затрагива- л. 8
ло отцов с другой стороны. Один батюшка и высказал это.

— Как бы вслед за приходскими школами не отняли и духовные училища, семинарии. Беда тогда нашему брату.

Среди беседующих водворилось молчание. Грустные мысли завладели, казалось, всеми. Но среди присутствующих оказался наш знакомец о. Вл[адимир] Ер-ин²⁰. Он приехал в город из любопытства и втирался в кружки беседующих, чтобы слышать и знать, что говорят отцы. Он и тут смешил немало братию. На этот раз он приволок в кружок батюшку со словами: «Посочувствуйте, братцы, о. Виталию. У него на днях школа церковная сгорела». О. Владимир явно насмешничал. Его сначала не понимали и смотрели на него удивленно. Он не смущался и продолжал:

— Сколько труда-то положил человек. Строил часовню, школу. Награду получил за это, камилавку. И вдруг только что выстроенное здание сгорело. Не досадно ли? Сегодня власть распорядилась, чтобы церковные школы сдавали Земству, а завтра вот какой случай: здание вновь построенное сгорело.

Отцы забыли грустные думы. Смеялись. Чувствовали соль в словах насмешника. Кто-то для полноты впечатления обратился к о. Виталию с вопросом: «Как же это случилось?». Тут и сам || виновник оживленной л. 8 об.
беседы, видя кругом себя смешки и ужимки, впал в тон греховодника Ер-на. Так же двусмысленно ответил:

— Как случилось? Почему я знаю? Меня там не было. Заронил кто-нибудь. Кругом стружки лежали, спалить было нетрудно.

— Жаль, поди, — подсуживал кто-то.

— Чего ему жалеть, — не удержался, чтобы не сострить, о. В[ладимир], — школа сгорела, камилавка на голове осталась.

Около сидевших за газетой завязывается разговор о войне. Тут не шутили. Телеграммы о продолжающемся отступлении русской армии выслушивались с неподдельной горечью.

— Не бывало, кажись, такого срама, — говорил один. — Там война идет, а в деревнях дезертиры множатся. Говорят то, от чего и во сне сердце замирает.

²⁰ На сегодня нет возможности точно установить фамилию описываемого священника.

— Действительно, страшнее не придумаешь, — подхватил другой и начал рассказывать о собственной встрече с солдатом в сборной избе.

— Позвали меня мужики: пойдём, говорят, батюшка, человек с фронта пожаловал. Побеседовать желает с тобой. Мы народ темный, ты с ним потолкуй. Смутительно слушать. Войны, говорит, не надо. Землю от попа всю берите и засевайте сами. Чувствую, мороз по коже. А делать нечего. Пошел. В избе теснота, мужики, женщины, ребятишки. Еле-еле пробрался к столу. Вижу, стоит у стола парень в солдатской гимнастерке и в фуражке набекрень. Смотрит на меня вызывающе, вот-вот в драку л. 9 вступится. || Оробел я сильно, но креплюсь. Сел на лавку и спрашиваю: «О чем, братцы, речь ведете?». Ближние нехорошо улыбнулись, и, глядя на парня, отвечали: «А вот послушай». Парень понял это как поощрение и начал примерно так, что теперь должна быть власть народная и мужикам не надо слушать ни попов, ни кулаков. Все они за войну, известно. Кулаки-торговцы немало нажились за это время, а попам что: их не берут на фронт, они и мутят народ: воюйте. Им же легче жить будет, много крестьян да рабочих перебьют.

Вижу, парень бьет на инстинкты. Ничего ему не дорого, кроме своего угла, своей земли и семьи. Решился возразить:

— Что ж, говорю. По-твоему, дело выходит так. Бросайте ружья, пушки, уходите домой, а немцы, между тем, будут продвигаться в глубь России и отнимать наши города и земли.

Не смутился парень, говорит:

— Мы бросим воевать, и немцы перестанут. У них ведь тоже дома — жены, дети, хозяйство. Небось, надоело терпеть грязь да голод. Братались с нами на фронте хорошо. Зря пугает батя народ, что наши земли отнимут. Не земли вам наши дороги, а милость буржуев да свои карманы. Это оберегаете. Так у нас тоже есть свое родное поле да хозяйство. Мы тоже за это болеем. В деревне живешь. Неужели не видишь. л. 9 об. Бабы и старики изнемогли. Поля травой зарастают, скот гибнет. || Нет управы ни в избах, ни в поле.

Вижу, мужики и женщины совсем подались на его сторону. Кое-кто из баб уж и слезу пустил. Зло взяло. Говорю: «Братцы! Вас разжалобить хотят. Но подумайте. Неужели для вас ничего не значат Родина, вера? Ведь, не легче вашего жилось крестьянам в Отечественную войну, а люди все же не стонали. Шли на защиту земли Русской, героически уми-

рали за святыни. А вам вот одно твердят: «Укрывайся в деревне, хлопочи около своего поля со своей хозяйкой. А там хоть все бери враг. Не жалко». Стыдно, мужики, такие речи слушать. Посмотрите, кто вас учит. Ведь этому пареньку еще самому надо долго ума копить. А вы готовы к нему с бородами в ученики записаться. Не дело это, православные». Я хотел было выйти, но парень взял меня за руку.

— Куда, батя! Подожди, выслушай, что я скажу.

Вижу, что не отвяжется, сел. Ну, солдат и начал тут честить²¹ порядки да царскую власть. Мужики, по его словам, кроме кабалы да палки ничего не видели от царей да помещиков. За что же им сражаться? За веру и святыни? «Но что вам дала вера, мужики? — спрашивал он ехидно. — Поп берет. Архиерей берет. Земли им подавай, работай на них, а они жируют да плодятся». Парень развернул такую картину поборов, что совсем оглушил мужиков. «Митрополиты, вот, получают по сту тысяч в год. Самый бедный архиерей имеет доходов не менее 20 тысяч. У священников земля, || сборы, плата за требы, готовая квартира. Жи- л. 10 вут помещиками». Не вынес я такой наглости. Соскочил, говорю: «Будет, мужик! Неужели не понимаете, что такие речи от беса вещаются. Не могу слушать». Вырвался, ушел, как ошпаренный. Жду, кто выйдет за мной. Не тут-то было, все остались. Значит, поддались на льстивые слова. Вот и полагайтесь на религиозную душу мужиков!

Батюшка кончил. Он устал от долгой речи. Но его слушали внимательно и серьезно. Все переживали в себе горечь рассказчика. Когда же тот замолк, каждый качал головой, смотря сочувственно на соседа. Чувствовали, что духовенству нелегко будет справиться с этой новой правдой.

— В прелесть, в опасную прелесть впадает народ, — заключил разговор один старый батюшка.

В таких беседах проводили время, и как разнообразнее они ни были, через них духовенство ни на шаг не продвигалось к прямой цели — к осознанию того, что ему нужно сделать на сегодня. К общественной работе духовенство не было приучено и потому никто не считал нужным ни организовать депутатов, ни помочь разобраться им в вопросах съезда. Заправила съезда, конечно, совещались между собой, но они видели перед собой только одну задачу — снять с духовенства пятно контрреволюционности и подчеркнуть на съезде безоговороч-

²¹ Бранить, обзывать обидными словами (по толковому словарю С. И. Ожегова).

л. 10 об. ную верность церковни- || ков новому строю²². Это почти предопределяло практическую бесплодность съезда. Но это открывало путь к декламаторству. Отцы, не задумываясь, пошли по этой легкой дорожке. В те дни декламаторство, впрочем, не могло казаться странным. Тогда все только и делали, что говорили, начиная с Керенского.

На первом заседании съезда о. Иван Ст[орож]ев²³ покори́л словом своим депутатов. Они слушали его как завороченные. Казалось, с паде-

²² В апреле — мае 1917 года в неофициальном отделе «Екатеринбургских епархиальных ведомостей» проходит ряд публикаций, отражающих настроения местного священства в связи с Февральским переворотом.

В ожидании первого свободного съезда Екатеринбургской епархии и первых свободных выборов возносятся благодарственные молитвы «за это счастье тем, кто нам его подарил» (ЕЕВ. 1917. № 18. 30 апреля. С. 157). От редактора ЕЕВ прот. И. Уфимцева звучат слова о том как «велика должна быть благодарность наша борцам за свободу, горяча должна быть молитва наша за тех, что “жертвою пали в борьбе роковой”» (ЕЕВ. 1917. № 18. 30 апреля. С. 157). Рассуждая о свободе слова, вспоминается насилие которым «только и жил царизм, ... мы, русские, трижды должны проклясть его» (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 171), «...государственный переворот “обеспечил Церкви возможность и право свободного устроения”» (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 175). Звучит призыв: «Архипастыри “в эти смутные, но великие и святые дни” должны идти по пути церковного возрождения... и устремиться всеми силами вперед к тому светлому огню, который там вдали на горизонте Русской Церкви так ярко разгорается!». (ЕЕВ. 1917. № 19. 7 мая. С. 176, 177). Под рубрикой «Мысли иерея» публикуется предложенная свящ. М. Титовым схема реформы благочиния. В заключение иерей призывает проявить «дух и ревность истинных служителей слова правды, мира и любви, этих великих начал, объединяющих христианство и социализм» (ЕЕВ. 1917. № 20. 14 мая. С. 194).

Однако вскоре в рубрике «Кошмары наших дней» появляется информация: в Минске на Епархиальном съезде поднялся вопрос о закрытии монастырей с обращением их средств на нужды государства. Первыми сторонниками закрытия были представители духовенства (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 208); в Москве «съезд учащих церковно-приходских школ телеграммой на имя министра народного просвещения выразил свое желание о скорейшем переходе церковных школ в ведение министерства народного просвещения». По решению съезда московские церковно-приходские школы «присоединились ко всероссийскому учительскому союзу», а одну из основных задач, указанных в уставе этого союза, стало «признать преподавание религии частным делом, исключить это преподавание из курса общественных школ» (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 209, 210); в Новочеркасске «одиннадцать псаломщиков по поручению съезда арестовали духовную консисторию...» (ЕЕВ. 1917. № 21–22. 21–22 мая. С. 210).

²³ Иван Владимирович Сторожев (1878–1927), безусловно, незаурядная личность. Есть свидетельства о высоком юридическом таланте И. В. Сторожева, особенно о его ораторских способностях. Но к 1912 г. он разочарован как в миссии обвинителя, так и в миссии защитника. Иван Сторожев приходит к выводу, что первопричина не-

нием царской власти Россия не только вступила на путь желанной всеми свободы, но совершила чудесный, захватывающий сердце от радости прыжок в царство блаженных. Забыли все тревоги, неприятные столкновения, зловещие факты жизни. Людям мерещились видения счастья, и они под впечатлением горячих слов ораторов, принимали самые головокружительные резолюции. Единодушно приветствуя революцию, съезд тут же, в порыве самозабвения, провозглашал наступление мира и единения Церквей. Но не подумайте, что имелись в виду старообрядцы. Это казалось делом домашним, а отцы тянулись к Европе, думали в мировом масштабе и посылали братские приветствия ксендзу — представителю Римской Церкви, пастору — представителю лютеранства. Те на эти приветствия промолчали, но отцам и не нужен был ответ. Они расписывались только в своих чувствах. Пафос был необычайным. Тем труднее для отцов казалось схождение с высот мечтаний в сферу || зем- л. 11 ной действительности. Когда нужно было произвести выборы депутатов на Собор, отнеслись к этому чисто формально. Не дали выборным ни наказа, не сделали даже малой попытки к тому, чтобы наметить, чего они ждут в первую очередь от Собора. Еще хуже сошли выборы кандидата на епископскую кафедру. Никто не постарался ни организовать депутатов, ни осведомить их, как следует, о лицах, намеченных к выбору. На собрание являлись, не имея ничего определенного. Самые выборы заняли два заседания. На первом один за другим сходили на кафедру батюшки и сообщали характеристику того лица, которого они хотели бы видеть епископом в Ек[атеринбург]ской епархии. Характеристики выслушивались внимательно, но при этом принималось в расчет и то обстоятельство, кто рекомендовал того или иного кандидата во епископа. После заседаний, когда духовенству предоставлялась возможность трезво обсудить все кандидатуры, выяснилось, что согласия на избрание одного кандидата добиться было невозможно. Мешали делу

справедливостей мира в греховности человеческой. Общественные нестроения — ее следствие. Стало быть, следует направить силы на христианизацию душ людских. В 1912 г. он оставляет юридическую карьеру и принимает священнический сан. В начале революционных перемен в России отец Иоанн, как большинство екатеринбургских священников, был искренне убежден, что этот путь приведет Русскую Церковь к ожидаемому возрождению (Сухарев Ю. М. Биография протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева (1878–1927) // История Свердловской области в архивных документах: Мат-лы научн.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 182–196).

взаимная неприязнь и боязнь, как бы с выбором, например, Софрония, не поднялись бы слишком и не зазнались те, кто его рекомендовал. В тесных кружках, обсуждающих кандидатуры, можно было слышать такие речи: «Боязно, братцы, этого выбирать. Видели, как С. К[о]нев²⁴ да К[исел]ев²⁵ стараются за него. Небось, надеются, что отблагодарит их за л. 11 об. рекомендации. || Ну, а нам выгоды мало, если они поднимутся».

— По-моему, надо остановиться на владыке Макарии, — обращался к кружку беседующих кто-либо из отцов, — о. Алексей Иг[нать]ев²⁶ очень хорошую характеристику дал ему.

— Так-то так, — отзывался другой, — да уж очень подозрителен сам о. Иг[нать]ев²⁷. Слишком ратует за Макария. Не даром, наверно, метит в кафедрального протоиерея при нем, да в председатели Консistorского правления.

Страх, что через того или иного кандидата можно построить лесенку для занятия лучших мест его протеже, сгубил первый опыт выборов. Когда на вечернем заседании собрали записки с наименованием кандидатов в епископа, их оказалось трое, и каждый получил почти по равному числу голосов. Выборы были провалены. Съезд на деле доказал свою несостоятельность. Но не сдался. На последнем заседании невиданный энтузиазм снова охватил собрание. Неожиданный подъем чувств в

²⁴ Сергей Валентинович Конев, 1880 г. р. Окончил Пермскую духовную семинарию. В 1902 г. рукоположен в сан священника. 10 октября того же года назначен к Николаевской церкви г. Шадринска. С 9 октября 1905 г. настоятель указанной церкви. С 1916 г. благочинный городских церквей Шадринска. С 1918 г. возведен в сан протоиерея (*Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 144; *Пашков А. А.* Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007. С. 288).

²⁵ Прот. Петр Никандрович Киселёв, 1865 г. р., председатель Шадринского уездного отделения епархиального училищного совета, председатель уездного ревизионного комитета г. Шадринска, настоятель Спасо-Преображенского собора г. Шадринска и благочинный Шадринских городских церквей до 1916 года (Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. С. 11, 12, 111).

²⁶ Вероятно, речь идет о священнике Алексее Игнатьеве — законоучителе екатеринбургской мужской гимназии, магистре богословия. Он являлся одним из лидеров движения реформаторов среди духовенства Екатеринбургской епархии тех лет и известен как участник съезда (Подробнее о нем см.: *Воробьева Н. А., Брандбовская Л. Б.* Игнатьев А. А. // Православная энциклопедия. Т. 21. С. 153–155).

²⁷ Там же.

членах съезда вызвал на этот раз инженер Пр[иходь]ко — депутат Надеждинского благочиннического округа²⁸. Попросив слова для внеочередного заявления, он обратился к собранию со следующей речью:

— Уважаемое собрание! — Пр[иходь]ко стоял на кафедре в мундире, и это очень подкупало отцов. Впервые видели они, что с ними сотрудничает интеллигентный человек. — Мы собрались сюда во дни, когда Россия, — Родина наша переживает тяжелый кризис. Война дошла до последнего напряжения. || Теперь открывается единственная надежда на спасение в народном воодушевлении, в подъеме у всех и каждого чувства любви к Родине. Наше духовенство всегда отличалось беззаветной преданностью Отечеству. Когда нужно, не скупилось на жертвы. Покажем это самоотвержение и сейчас. Пусть ваше всколыхнувшееся чувство любви к Родине заразит все общество. Жертвуйте, отцы, что можете. Напомните времена Минина, кладите на алтарь Отечества серебро и золото. Я первый снимаю кольцо с руки своей и отдаю его на спасение Родины. Не сомневаюсь, вы дадите больше и, если нужно, пожертвуете даже кресты свои. л. 12

И тут началось неслыханное. На кафедру вышел председатель съезда, протоиерей К[о]нев²⁹. От наплыва чувств он даже прослезился, не мог говорить. Но все поняли его, когда он снял торжественно с себя священнический крест и положил его на стол рядом с кольцом инженера Пр[иходь]ко. Растроганные вконец батюшки один за другим отдавали кресты свои³⁰. Кое-кто обнаружил было нерешительность. Но

²⁸ Верхотурский уезд.

²⁹ Председателем собрания избрали священника С. Конева (см. сн. 24), который в своей приветственной речи обосновывал необходимость обновления Церкви (в дальнейшем термин «обновление» был скомпрометирован из-за организованного советской властью обновленческого раскола). Слово председателя выражает надежды духовенства, связанные со сменой государственного строя: «Уже начинает сказываться недовольство духовенством, про него распространяют слухи, что оно консервативно и будто бы, если случится контрреволюция, то духовенство будет на стороне сил этого движения... Да нет... этого быть не может! Мы должны сказать, что мы жаждем, как и весь трудовой народ, конечного торжества правды и свободы, что мы с ним» (цит. по: *Нечаев М. Г. Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004. С. 94*).

³⁰ Следует отметить, что сдача пастырями своих крестов проходила в атмосфере патриотического подъема, свойственного в тот период большинству населения страны, охваченного «романтикой» революции и идеями «спасения» России от старорежимных порядков. Несколько позже депутат Екатеринбургского съезда протоиерей Нико-

острые глаза загипнотизированных быстро находили колеблющегося и поощрительно направляли его к столу, где принимали и записывали пожертвования. Через час все члены съезда от духовенства были без крестов. Мало того, так как на собрании присутствовали в качестве гостей батюшки, добровольно приехавшие на съезд, то развенчавшие себя от крестов депутаты усиленно просили их отправиться сейчас же в свои л. 12 об. округа и там пропагандировать, || чтобы духовенство шло за съездом и жертвовало священнические кресты.

Однажды, вскоре после того, как о. Григорий окончил свои богомолья, его навестил один из шадринских батюшек. Загуменных очень удивлен был тем, что у пришедшего вместо позолоченного священнического креста висел на груди простой кипарисовый крестик, вдетый в черный шелковый шнурок. «Это что еще за нововведение?» — подумал про себя о. Григорий, но принял гостя любезно.

— Вы ведь, кажется, были в городе? — усаживая визитёра, спросил Загуменных.

— Да, я только что со съезда. Ах, что за воодушевление! Какое единодушие! — к батюшке возвратилось то волнение, какое он испытал там, на собрании съезда.

Видя у гостя повышенное настроение, о. Григорий и сам оживился, надеясь услышать приятные новости.

— Вот спасибо, что вы пришли ко мне поделиться радостью. Кого избрали на епископскую кафедру?

— Ну, выборы не удались. Голоса разделились, и из трех кандидатов ни один не получил большинства голосов³¹.

лай Буткин назвал сдачу наперсных крестов не жертвой на нужды Родины, а отказом духовенства от них как от символов своего пастырства. Упрекая священников, о. Николай сказал, что они отдавали не то, что могли принести на нужды страны (например, не свою домашнюю серебряную посуду), а то, что им оказалось не нужно, — знамение своего служения Богу (*Бабкин М. А. Духовенство Русской Православной Церкви и политическая символика* (весна 1917 г.) // *Православие в судьбе Урала и России: история и современность*: Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 267–270).

³¹ Указом Священного Синода бывший Екатеринбургский епископ Серафим (Голубятников) отправлен на покой в Новоспасский монастырь, а временное управление поручено викарию Оренбургской епархии Челябинскому епископу Серафиму (Алексан-

— Так вы же только что говорили о единодушии съезда, — удивился искренно о. Григорий.

Гость немного смутился, но продолжал, все еще нося в себе уверенность в том, какое необычайное дело совершил съезд.

— Я, говоря о воодушевлении, имел в виду не выборы епископа.

— Понимаю теперь, — поторопился || исправить свою ошибку л. 13 Загуменных. — Братия наметили что-нибудь хорошее для устройства церковной жизни? Уж не побратались ли со старообрядцами? Вот бы радости-то было, действительно.

О. Григорий так и впился глазами в посетителя, ожидая от него ответа. Но батюшка еще больше терялся, чувствуя, словно его травят. С неудовольствием он заметил:

— Это же дело Собора — устраивать церковную жизнь.

дрову). 19 мая 1917 года было установлено (по результатам выборов), что большинство голосов распределилось между двумя кандидатурами: инспектора Пермской духовной семинарии Н. И. Знамировского (о нем см.: *Евстафия (Морозова), мон.* Архиепископ Стефан (Знамировский) — ревнитель православия, проповедник, мученик // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. С. 303–308) и ректора Иркутской духовной семинарии архимандрита Софрония (о нем см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 167; «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 956–958), тоже уроженца Пермской губернии. 21 мая 1917 года в выборах участвовали всего 277 делегатов, половина участников съезда уже разъехалась. Результаты выборов оказались неожиданными. Н. И. Знамировский получил 168 голосов, архимандрит Софроний — 113, а Челябинский епископ Серафим — 22. Н. И. Знамировский не имел даже духовного сана. Это был небывалый случай в церковной практике. Съезд решил представить Священному Синоду обоих кандидатов, получивших большинство голосов. Синод постановил назначить новые выборы, которые состоялись 8 августа 1917 г., но и эти выборы не дали результата. Следующий съезд духовенства и мирян Екатеринбургской епархии открылся 25 октября 1917 г.; на съезде большинство голосов получил архим. Софроний, однако Синод не утвердил это избрание (*Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 172–174). В указе Синода отказ мотивирован следующим образом: «...принимая во внимание, что получивший при избрании большинство голосов ректор Иркутской духовной семинарии Софроний ... уроженец Екатеринбургской епархии и в числе клириков сей епархии имеет более 80 человек родственников, ввиду чего назначение архимандрита Софрония на кафедру Екатеринбургского епархиального архиерея представляется неудобным» (цит. по: История Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: Сократ, 2010. С. 429). Подробнее о событиях в Екатеринбургской епархии весной — осенью 1917 г. см.: *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. С. 26–28; *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года... С. 53–57, 170–175).

— Так, — уже теряя надежду услышать приятное, пробормотал о. Григорий, — тогда чему же вы радуетесь?

Гость явно досадовал на эти назойливые вопросы. Они расхолаживали его чувства. Но он не желал уступать.

— Ах, как жаль, о. протоиерей, что вас там не было на съезде и вы не пережили этого счастья.

— Но поделитесь же им, скажите, в чем дело?

— Вы видите, на мне нет наперсного креста? Все иереи, бывшие на съезде, сняли их и пожертвовали на спасение Родины.

— Кресты? Почему понадобились кресты? — нервно допытывался о. Григорий.

— Потому что иного под руками у духовенства ничего не было, а не поддержать того порыва, который охватил всех после речи инженера Приходько и председателя съезда, — было преступно.

— Стало быть, виновником этого был инженер Пр[иходь]ко?

— Да, он сказал прекрасную речь, призывая всех к жертвам в эти || л. 13 об. критические для России дни, и первый снял со своей руки золотое кольцо. За ним выступил наш Ш[адрин]ский о. протоиерей К[о]нев³². Он даже заплакал от волнения и первый положил свой наперсный крест на стол, в жертву на отечество. За ним последовали все.

О. Григорий поблек. Пропало всякое оживление. Он низко опустил голову и молчал. Гость не задумывался над его чувствами, он был доволен, что может говорить, и продолжал:

— Я пришел к вам, о. протоиерей, по поручению нашего о. С. Ко[не]ва — председателя съезда³³. Не мешало бы собрать благочинническое собрание и поддержать съезд.

— То есть вы хотите, чтобы и мы тоже сняли священнические кресты?

— А что же? — с нотками неудовольствия говорил посетитель. — Я вот уж отдал свой, — он показал при этом на кипарисовый крестик, — знаю, что и другие из здешних батюшек не задумываясь сделают то же.

О. Григорий не мог сдержаться. Он вскочил со стула и, ходя по комнате, говорил:

— О, как печально, как печально!

Потом, вспомнив, что у него гость, он спросил его:

³² См.: сн. 24.

³³ См.: сн. 29.

— Простите, о. Василий, но я отказываюсь понимать. Почему нужны кресты? Ну, жертвуйте ложки, кольца, браслеты женины. Зачем же понадобилось кресты с себя снимать? Это же скандал! И в такое время!

Он хлопал руками и в волнении снова ходил по комнате. Батюшка тоже менялся в лице, раздражаясь на отпор.

— Нет, с вами не сговоришься. За- ||³⁴ мечательная встреча.

л. 14 об.

Была у о. Григория в городе семья, знакомая еще со студенческих лет. Сам служил еще не так давно земским начальником. После революции вышел в отставку, но жил по-барски и имел близкое знакомство со всей служилой интеллигенцией в городе. В канун дня рождения его, вечером, о. Григорий приглашен был отслужить молебен, а после службы присутствующим вместе с батюшкой предложен был чай. К тому времени в газете уже напечатан был отчет о действиях епархиального съезда. Разговор, естественно, начался с этого. Батюшку деликатно спросили, как он смотрит на решения съезда.

— Удивлен и, признаюсь, очень и очень огорчен действиями духовенства на съезде.

— Чему же вы удивляетесь, батюшка? Все идет как должно, иначе и быть не могло, — с иронией говорил его сосед за столом.

О. Григорий с любопытством смотрел на него, интересуясь, кто бы это мог быть. Но сосед сам поспешил рекомендоваться.

— Я — следователь. Кончил семинарию. Был год в Казанской духовной академии, как раз после того как вы окончили ее. Но сбежал оттуда в университет, на юридический. С современной богословской мыслью все же успел познакомиться за время пребывания в Академии. Знаю и Писание. И вот, к концу занятий богословием, у меня сложилось твердое убеждение. Оно-то и побудило меня оставить Академию. Вы не оскорбитесь, батюшка, если я выскажу его?

— Честное заявление всегда надо только || приветствовать. Я вас л. 15 слушаю, — был вежливый ответ.

— Ну, в таком случае, вот вам объяснение, почему у нашего духовенства все идет не только не гладко, но скандально, мерзко и постыдно.

— Не слишком ли вы сильно выражаетесь? — заметила знакомая о. Григория, учительница женской гимназии.

³⁴ Четырнадцатый лист рукописи без текста.

— Надеюсь, что вы все же не отрицаете религиозной значимости священства? — робко вставил о. Григорий.

— Право на существование духовенства я, конечно, признаю. Только в отношении нашей синодальной иерархии — считаю, что она несет на себе проклятие Божие и потому обречена на бесплодность и смерть, как Евангельская смоковница.

Сидящие за чайным столом не почувствовали удара от этих слов. Они смотрели на это как на бравёрство и потому внимательно следили за о. Григорием в ожидании, что он не замедлит ловко отчитать зазнавшегося интеллигента. Но, к общему удивлению, батюшка не высказывал готовности вступить в бой. Он сидел, конфузивши голову, и точно боялся смотреть в глаза людям. Между тем, люди, видящие его смущение, немало дивились. С быстротой молнии появлялись в голове мысли: «Неужели он согласен с приговором, но тогда зачем же он пошел в священники?» || Они и не догадывались, что батюшка боялся не за себя, а за них, ожидая, что они примут приговор с удовлетворением. Когда же ему ясно стало, что свидетели сурового осуждения не на стороне следователя, а только ждут слова от него, что он скажет, о. Григорий нарушил молчание.

— Я не стану сейчас же исправлять ваше суждение. Попрошу сначала пояснить, каким образом вы пришли к своему выводу.

— Охотно удовлетворю вашему желанию, тем более что, кажется, и присутствующие не довольны мной за резкий выпад.

— Вы правы, — холодно заметил земский начальник, — мы хотим слышать от вас объяснение.

— Извольте, — вежливо откланиваясь, отвечал следователь. — Начну без обиняков, прямо с Библии. Батюшка пусть поправляет меня. В Книге Бытия, помнится, говорится так от Лица Божия: «Я взыщу кровь вашу от руки человека. Кто прольет кровь вашу между людьми, того самого кровь прольется»³⁵. Есть, батюшка, такие слова? — отнесся он к о. Григорию.

— Тогда вот вам первое основание, почему я считаю наше духовенство обреченным. За пролитую кровь оно подлежит суду Божию.

л. 16 — Но ведь не духовенство льет кровь || на войне, — возразила учительница.

³⁵ Быт 9. 6.

— Вы ошибаетесь, — был ответ. — Я разумею совсем не войну. Достаточно на духовенстве крови старообрядцев и всех тех, кто протестовал против слишком покладистой политики наших отцов со времени Петра 1-го.

— Но ведь гонения на раскольников были делом правительства, при чем тут духовенство? — недоумевающе спрашивала дама.

— Вы, батюшка, надеюсь, не думаете так? — обратился к о. Григорию с вопросом следователь.

— О нет. Я знаю, у вас в руках есть сильное оружие против нас, — скорбно заявил о. Григорий.

— Какое оружие? Что же вы не говорите? — наступала дама.

— Ну, если вам нужно, я могу указать на историю казни царевича Алексея Петровича. Роль иерархии при этом правдиво и откровенно передана В. С. Соловьевым. Вы читали, батюшка, его статью о византизме³⁶?

— О, конечно, я ведь, тоже изучал современное богословие.

— О чем же пишет Соловьев? — спросила дама.

— Это длинная история, — поспешил отозваться следователь, — но я постараюсь быть кратким. После того как царевич Алексей скрылся за границу от грозящей ему расправы, царь Петр сильно призадумался. Пытался всячески воротить царевича и, наконец, клятвенно сообщил ему, что не посягнет || на его жизнь. Царевич возвратился и вскоре был л. 16 об. заключен в крепость, как изменник. Ему грозили пытки. Царь явно нарушал свою клятву, но хотел придать осуждению сына вид законности и обратился к вождям Церкви с нарочитым посланием, в котором просил иерархов по совести, как высших судей, поставленных от Бога, разрешить его недоумение: может ли он поступить с сыном-преступником как велит ему долг и обязанности царя России. Из каких бы побуждений ни исходил Петр в этом обращении к служителям Христа, их обязанность была ясна. Они должны были указать царю, что он по отношению к царевичу, сыну, нарушает свою клятву и, готовясь пролить кровь по соображениям политики, совершает тяжкий грех. Но представители духовенства постыдно струсили и, кривя с призыванием и совестью, отписались простой, ничего не говорящей формулой: «Сердце цареве в руке Божией». Петр увидел в этой отписке косвенное разрешение на казнь

³⁶ Имеется в виду работа: *Соловьев В. С. Византизм и Россия // Он же. Собр. соч.:* в 9 т. СПб., ²1912. Т. VII. С. 286–325.

сына, и царевич Алексей был замучен в пытках. Таков исторический факт. Скажите, батюшка, признаёте вы здесь духовенство повинным в крови царевича? — обратился к о. Григорию следователь.

О. Григорий не затягивал ответа.

— Признаю, — сказал он скромно, — что те вожди церкви, к которым обращался Петр, лукавой отпиской взяли на себя кровь казненного царевича.

л. 17 — Тогда мой приговор над духовенством || оправдан, — холодно, по-резонерски заключил следователь. — Тем более, что пример Алексея Петровича — совсем не единственный факт. Разве мало духовенство помогало правительству изживать раскольников, подвергая их тесноте, изгнаниям, тюремному заключению и смерти?

— Ну, здесь вы многое прибавляете, — возразила учительница, которой так не хотелось, чтобы торжествовал этот выскочка — юрист, как она про себя его определила.

— Я вижу, вам не нравится мое выступление, — обратился следователь к говорившей, заставляя ту покраснеть невольно, — но вы же видите, я в своих выводах опираюсь на батюшку. О. Григорий, защитите меня, скажите: клевету я или нет на духовенство? — следователь пылливо смотрел на батюшку, и в его глазах сквозило лукавство.

— Я уже сказал, что сначала выслушаю вас, — с достоинством заметил о. Григорий, — а потому продолжайте.

— Охотно буду продолжать. И так как меня упрекнули в том, что я облажно³⁷ наговариваю на духовенство, то я сошлюсь на документ и здесь. Он тем более ценен, что исходит из рук того же представителя Церкви. Я разумею книгу епископа Алексея — ректора Казанской академии³⁸ о сек-

³⁷ Облажно от слова «облазнять» — облазнить кого, обмануть, ввести в заблуждение, направить ложно (по толковому словарю С. И. Ожегова).

³⁸ Епископ Алексей (в миру Анемподист Яковлевич Дородницын, родился в 1859 г.), духовный писатель, магистр богословия Московской духовной академии; был противощундистским миссионером в г. Херсоне, екатеринославским епархиальным миссионером, ректором Литовской духовной семинарии, епископом Сумским, викарием Харьковской епархии; с 1905 года епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии и ректор Казанской духовной академии. Главные труды еп. Алексея: «Церковно-законодательная деятельность Карла Великого, 768–814» (М., 1889, магистерская диссертация); «Шалопутская община» (М., 1891); «Опыт противощундистского катехизиса» (Екатеринослав, 1899); «Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды» (Ставрополь, 1903); «Византийские церковные мистики XIV века» (Казань, 1906); «Ре-

тантстве в юго-западном крае³⁹. Мне посчастливилось. Книга || вышла из л. 17 об. печати как раз в тот год, когда я занимался в Академии. Документ, скажу я вам, поучительный. Впрочем, батюшка без сомнения, знаком с этой книгой.

— Да, епископ Алексей прекрасно послужил делу правды, раскрыв язвы духовенства.

— Но не забывайте же нас, господа. Скажите, в чем дело, — вмешалась снова учительница.

— Уважаемая Лидия Сергеевна будет, надеюсь, удовлетворена, если я, не вдаваясь в подробности, просто укажу, что книга епископа Алексея о сектантстве не оставляет никакого сомнения в поддержке и пособничестве духовенства политике утеснений раскольников. Оно не боялось принять их кровь на себя. Но за пролитую кровь человек и Бог взыскивает, вот почему я и говорю, что духовенство наше со времен Петра несет на себе проклятие. Оно усугубляется еще тем, что духовенство повинно и в других преступлениях против Закона. Но говорить ли мне дальше? — следователь впадал в рисовку. Он так был уверен в себе, что позволял играть на любопытстве слушателей. Такая манера беседы была самолюбивую учительницу.

— Я уверена, что вы не правы, но уж раз начали, то продолжайте, — отрезала она.

— Против вашей уверенности говорят факты. А что можете представить вы? — с сознанием превосходства напа- || дал следователь. — л. 18 Будете ли, например, отрицать, что за все 200 лет петербургского периода наше духовенство на все беззакония и безобразия, творимые в обществе, отвечало одним молчанием? Были дворцовые смерти, перевороты с казнями и смертями — протестовали ли отцы? Нет. Чем отвечали они на усиление крепостного права, на издевательства помещиков, на вторжение в жизнь хищника, кулака, на умножение по деревням кабаков и

лигиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия» (Казань, 1909). За сочинение «Материал для истории религиозно-рационалистического движения на юге России во 2-й пол. XIX столетия» в марте 1910 ему была присвоена степень доктора церковной истории (подробнее о нем см.: *Цыпин В., прот.* Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич), еп. // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 665–666).

³⁹ Точное название книги не указано. См.: сн. 38. Юго-Западный край в Российской империи XIX–XX вв. — это часть Западного края, собирательное наименование трех губерний Правобережной Украины — Волынской, Подольской, Киевской.

пр.? Голоса духовенства не было слышно. Оно не предостерегало беззаконника, как это поставлено ему в долг Писанием. Кажется, у пророка Иезекииля есть такие слова: «Сын Человеческий, — говорит Господь, — если ты не станешь говорить нечестивому для предостережения от нечестивого пути его, чтобы сохранить его жизнь, то нечестивый умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от руки твоей»⁴⁰.

— Нет, вы ужасно суровы к духовенству, — уже с некоторой долей устойчивости в голосе заметила учительница.

— Не я суров, а Бог праведен, — увлекшись порывом, продолжал юрист. — Вдумайтесь, что делало за эти два века у нас духовенство, и вы увидите, что на всех делах его лежит печать бесплодности и позора. Главной задачей духовенства была борьба с расколом и сектами. Увы! За весь период ничего не могли поделаться с раскольниками. Раскол рос. Сектантство увеличивалось, а законы государственные вопреки воле иерархов, л. 18 об. давали || раскольникам льготу за льготой. Духовенство отстаивало свое право просвещать народ. За ним, по-видимому, оставили это дело. Что же, научило духовенство народ чему-нибудь? Через 1000 с лишним лет после крещения Руси у нас в народе водятся колдуны, твердо живут суеверия. Вера сводится к одним обрядам, а символ веры устами деревенских стариц читается так: «Господи, Боже, Пречистая Матушка Казанская, Никола милостивый, помилуй нас». — Следовательно чувствовал себя победителем, тем более что о. Григорий сидел, глубоко опустивши голову. Он поэтому не упустил случая подзадорить учительницу и с улыбкой спросил ее:

— Как вы здесь будете протестовать, уважаемая Лидия Сергеевна?

Она, быть может, и не уступила, но ее удивляла неподвижность о. Григория. «С нами так, высмотрит героя, а встретил образованного противника и съезжился, как мокрая курица», — думала она про себя и сердито заметила:

— Что же вы ко мне обращаетесь? Здесь есть батюшка, ему ближе должны быть интересы духовенства.

— Вы ошибаетесь, Лидия Сергеевна, — воспрянув, заявил о себе о. Григорий, — никаких собственных интересов у духовенства не должно быть, кроме света истины и правды Христовой. А это, без сомнения, дорого и вам и им, — батюшка ласково посмотрел на следователя, — л. 19 простите, изви- || нился он, — не знаю вашего имени и отчества.

⁴⁰ Иез 3. 18.

— Матвей Семенович Дергачёв⁴¹ — вежливо отрекомендовался тот. Батюшка выразил удовольствие и тут же обратился с вопросом:

— Вы позволите, Матвей Семенович, сделать некоторые поправки к словам вашим?

— Пожалуйста, — настороженно отвечал тот и тут же понял, что его вполне обоснованное, как ему казалось, суждение о духовенстве, не нашло сочувствия ни в ком. Все смотрели внимательно на о. Григория, ожидая с интересом его слова. «Это кумир», — подумал он. «Ну, посмотрим, что он скажет», — и Дергачёв стал слушать.

— Я бы мог указать прежде всего на логический промах в вашем заключении, но не хочу препираться, тем более, что признаю крупную долю правды в ваших словах. К тому же мы не на диспуте и оба ищем истину, как я понимаю. Оцените же мои замечания чисто по-братски.

Голос о. Григория звучал задушевно. Он не нападал, а осторожно, как врач, осматривал больного: «Мне кажется, что вы, Матвей Семенович, недооцениваете проповеди Христа. Его откровение о человеке выпадает из поля вашего зрения».

— Вы хотите, по-видимому, упрекнуть меня за то, что я брал тексты из Ветхозаветного Писания, а не из Евангелия, — возразил следователь. ||

— Нет, дело не в текстах, а в том, что вы во взглядах на человека *л. 19 об.* действительно стоите на почве Закона древнего, а не на Евангелии. Это ведь Закон рассматривал человека то как раба, то как землевладельца, то как члена корпорации, например, левитов, то как жителя земли Иудейской. Но даже и в Законе постепенно эта классовая и сословная точка зрения уступает место нравственной, где человек рассматривается не как раб или иудей, а как Личность. Эта сверхсоциальная трактовка человека рельефно подчеркнута в проповеди пророка Иезекииля. Вы найдете там, например, такое разъяснение воли Божьей: «Которая душа согрешает, та и должна умереть. Сын не должен терпеть за нечестие отца, и отец не будет терпеть за нечестие сына. Правда праведника ему и вменится, и нечестие нечестивого ему же и вменится»⁴².

— Вы не можете указать мне главу? — Дергачёв вынул при этом из кармана блокнот и сейчас же записал текст.

⁴¹ Вероятно, имя, отчество и фамилия изменены.

⁴² Иез 18. 20.

О. Григорий хотел было спросить Библию, но ее уже принесли и он быстро нашел нужный текст: «Глава XVIII, ст. 20», — сказал он. — Вот, смотрите, заметьте при этом, это говорит пророк, который тут же изрекает приговор на всех жителей земли Иудейской.

— Вы прячетесь за формализм, берите факты как они есть, — с л. 20 горя || чеством возражал следователь. — Земля Иудейская погибла. Иудеи, как было о них сказано, понесли наказание. Стало быть, пророчество о земле и народе исполнилось буквально. Что же еще нужно?

— Но в том-то и дело. Исполнились слова Божии о земле и народе иудейском не по закону физической связи жителей с землей Иудейской и с народом, а в силу общей нравственной преступности перед Богом.

— По-вашему, батюшка, выходит, что если бы, скажем, нашлись праведники среди незаконных иудеев, обреченных на наказание, то эти праведники бы и не погибли.

— Так ведь это так и есть. Про Лота-то вы забыли, — вставила слово учительница.

— Мне остается только поблагодарить вас, Лидия Сергеевна, за удачное напоминание общеизвестного примера, — приветствовал ее батюшка и был удивлен, видя, как та вдруг покраснела, — вас же, Матвей Семенович, попрошу согласиться, что верховенство нравственного принципа в отношении человека священо и Писанием устанавливаются вне всякого сомнения.

— Я все же не понимаю, что делать нам с сословиями и классами в обществе, — продолжал настаивать Дергачёв. — Ведь, в действительности, классы в людях существуют и, как доказано, имеют огромное влияние на психику человека и || на его поведение в обществе. л. 20 об.

— Вы забываете, что мы говорим не о людях, с чем они принуждены остаться, а о Боге, Который, по вашему мнению, словами Закона осудил синодальное духовенство на проклятие. Вот в отношении Бога я и говорю, что для Него не имеют значения земные деления людей на классы, сословия, народности, расы. Христос же, спустивший на землю Отчую Жизнь, открыл, что для людей размещение ближних по классам, сословиям, народностям, будет иметь силу только на время их несовершеннолетия в вере и развитии. Чтобы двинуть наше сознание вперед, к преодолению этих пережитков. Он на примере показал, как надо от-

носиться к людям. Говорить ли вам об этих всем известных отношениях Христа к мытарям, к язычникам, к народу и раскольникам?

— Я понимаю вас, о. Григорий, — скромно отозвался следователь.

— Очень хорошо, — также сдержанно, без аффектаций продолжал батюшка, — нам остается теперь согласиться и в том, что проклятия Божии, о которых вы говорили, относятся не к сословию духовенства, а к тем из них, которые замазывают ложь, не учат правде и прикрывают беззаконие. Горе, если мы, отцы, все таковы. Ваше напоминание о возмездии Божиим звучит для меня как грозное предостережение. Но есть и тут сторона, которую вы обошли. Я не надоел || вам? — Он смотрел л. 21 на сидящих за столом так застенчиво, что ни у кого из слушающих не могло быть и мысли, будто он только рисуется, спрашивая. Все поэтому единогласно просили его продолжать. А учительница смотрела на него так, что не будь он занят всецело беседой, он бы без труда заметил в ее взгляде не один интерес к словам его, но и нечто другое. Однако внимание о. Григория поглощено было разговором.

— Когда вы, Матвей Семенович, называете духовенство обреченным, вы видите в его делах и судьбе только карающую десницу Божию. Между тем, Христос открыл нам, что Бог не есть Огонь поедающий, но Deus Caritatis⁴³, то есть Бог Любви. Он и грешникам дает утешение: «Я накажу, но Я же и исцелю»⁴⁴; «Сегодня произведу у вас плач, а завтра будет радость»⁴⁵; «Посещу вас жезлом железным, милости же Моей не отниму от вас»⁴⁶.

— Вы не можете переложить эти слова на исторические факты, — предложил о. Григорий следователь.

— Охотно удовлетворю ваше желание. Вы вот говорили о бесплодной деятельности духовенства. Что же, хвалить нас действительно не за что. Благодать Божию держали под спудом, но посмотрите, какими яркими светочами на темном фоне неба церковного горят имена святителя Дмитрия Ростовского, о- || бенно Тихона Задонского, Феофана л. 21 об. Затворника, старцев Леонида, Макария, Амвросия Оптинских⁴⁷.

⁴³ Deus Caritas Est (лат. — Бог есть любовь).

⁴⁴ Ис 13. 11, 57. 18.

⁴⁵ Пс 29. 6.

⁴⁶ Пс 88. 33, 34.

⁴⁷ Первый Оптинский старец — преподобный Лев (в миру Лев Данилович Наголкин,

— Но ведь это же исключения.

— Ах, милый Матвей Семенович, — мягко и с грустью подчеркнул о. Григорий. — Истинное христианство всегда было исключением среди людей и, однако же, действительный прогресс познания и жизни исходит от них, от этих счастливых исключений. Толстой и Достоевский — вот вершины русской мысли XIX века⁴⁸. Но их этические идеалы, святые упования складывались не без влияния на них тихого света Тихона, Амвросия и, право, не будет преувеличением, если скажем, что не загорись на церковном небе этих чарующих светочей, не читать бы нам этих бессмертных бесед старца Зосимы, не видеть бы, может, и великих произведений Толстого.

— Все это слишком таинственно, — возразил следователь.

— Не больше, однако, чем влияние подземных сил на наш климат, почву и здоровье или влияния подсознательной души на поступки и мысли человека, а ведь до этих открытий дошла же наука. Дойдет она и до признания таинственных связей, о которых мы говорим.

— Хотелось бы все же слышать от вас нечто более осязательное о деятельности духовенства, — с улыбкой, но не так уже упрямой, прервал батюшку следователь.

л. 22 — Что поделать, — пожал плечами о. Григорий. — Осенью солнце не дарит землю мягкими светлыми лучами. Мешают облака. Так и в отношении деятельности духовенства. Ее влияние на жизнь парализуется видимой пошлостью и грубостью большинства священнослужителей

до схимы Леонид; 1768–1841). Прп. Лев исцелял страждущих разными болезнями, приводили к нему многих и бесноватых. Старчествование преп. Льва продолжалось в Оптиной пустыни 12 лет. Восприемником великого старца прп. Льва (Леонида) Оптинского стал его ближайший ученик прп. Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов; 1788–1860). Преподобный Макарий имел особый дар духовного рассуждения. Его смиренное слово было действительно, со властью, заставляло повиноваться и веровать неверующих. Преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков; 1812–1891). Дар прозорливости преподобного Амвросия особенно привлекал к нему людей. Беседы с посетителями продолжались более 12 часов. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях, видя все стороны жизни (подробнее см.: Оптинские старцы. М., 1990).

⁴⁸ Прот. Николай Буткин всегда хотел быть в курсе искания интеллигентных, религиозно настроенных умов, а также, по его собственным словам, тяготел к ищущим правды, к которым относил Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского.

лей. Вы вот говорили о бесплодности наших миссионеров. Соглашаюсь. Миссионерское дело поставлено было из рук вон плохо. Но читали ли вы о трудах среди якутов на Аляске о. Вениаминова⁴⁹? О нем с уважением вспоминает и Петр Крапоткин⁵⁰. Не забудется, наверное и образ епископа Нила, увековеченный Лесковым в рассказе «На краю света».

— Ах! Что за дивный рассказ, как я его люблю, — не удержалась выразить свои восторги Лидия Сергеевна.

— Погодите! — с сияющим лицом говорил о. Григорий, — быть может, не всегда у нас на Руси «вражьи дети» будут мешать делу Божию — тогда лучше поймете подземную работу Церкви. Пока же признаем, что истинные пастыри живы во всякое время. Но ваше предостережение заслуживает самого серьезного внимания, и я искренне благодарю вас, милый Матвей Семенович, — батюшка встал, чтобы пожать руку собеседнику. Тот был удивлен такому концу беседы. Речь о. Григория разбила его самоуверенность. Он боялся остаться пристыженным. И вдруг это дружеское пожатие рук. Дергачёв неожиданно просиял, а батюшка продолжал его ободрять. ||

— Для меня лично вы сделали очень много, вы послужили орудием Божиим. л. 22 об.

— Помилуйте, батюшка, чем я мог послужить вам? — в смущении говорил следователь.

— Я до сего дня терялся, не мог решить, что мне делать с постановлениями съезда. Вы, сами того не зная, указали мне на мой долг. Теперь мне ясно, что я должен протестовать.

— В газете? — точно испугавшись, воскликнула учительница.

— Придется написать в газету — иного пути нет.

— Но ведь для вас могут быть неприятности, — волновалась Лидия Сергеевна.

О. Григорий впервые посмотрел на нее внимательно и смутился. Он быстро стал прощаться, подавая руку по-светски. Но его остановили и стали просить благословения. Даже следователь не хотел отставать от других и сложил перед батюшкой сыновне свои руки. О. Григорий с

⁴⁹ Известный миссионер — митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов; 1797–1879).

⁵⁰ Князь Петр Алексеевич Кропоткин (1841–1921) — русский революционер-анархист и ученый, географ, историк, публицист.

улыбкой радости благословил его и вышел. Дней через пять появилось его открытое письмо к членам Епархиального съезда⁵¹. Письмо наделало много шума. Отцы грозились на первом же съезде поставить вопрос о пребывании Загуменных в рядах духовенства⁵². Но среди мирян шли другие толки. О. Григорий, однако, не интересовался слухами, но его очень порадовало письмо соседнего епископа, бывшего ректора Уф[им]ской || семинарии преосвященного Андроника⁵³: «Вы спасли положение, друже, — писал, между прочим, святитель, — и за это от меня вам сердечное спасибо».

Однобокий роман

Выступление духовенства на съезде, явно недружелюбное отношение к себе собратьев городских церквей после открытого письма оттолкнули сердце о. Григория от участия в церковно-общественной жизни. Будучи и раньше неважного мнения о братии, он теперь не верил в возможность мирного возрождения церкви, и созыв в Москве Всероссийского Поместного Собора его не волновал. Он понял, что настало время, когда невозможны общие единодушные устремления к единой цели, а нужно спасаться как кто может. И он всецело погрузился в свою приходскую

⁵¹ Лишь единственным депутатом съезда — протоиереем Николаем Буткиным из г. Шадринска было выражено несогласие с постановлениями екатеринбургского духовенства: он публично, через светскую периодическую печать высказал укор съезду за произнесение «избитых фраз о благе свободы» и за фактическую «канонизацию революции» (*Бабкин М. А.* Духовенство Екатеринбурга и революционные события февраля — марта 1917 г. // Сайт музея истории Екатеринбурга. URL: <http://m-i-e.ru/articles/babkin-m-a/> (дата обращения: 15.12.2015).

⁵² О конфликте с шадринским духовенстве известно из мемуаров его двоюродного брата, полного тезки, Николая Григорьевича Буткина, врача-фтизиатра: «От шадринского духовенства он отличался широтой взглядов, образованностью и высокой религиозностью. Одно время над ним был организован общественный суд, который проходил в бывшей «Белой гимназии» Шадринска. <...> Я на этом суде был. Знаменательно, что заключительную речь он окончил словами: «Наша беда в том, что под сиянием золотых крестов роятся слепые кроты». В связи с этим отношение к нему было внешне терпимым, но далеко не дружелюбным» (*Буткин Н. Г.* Страницы моей жизни. Екатеринбург, 2011. С. 169).

⁵³ Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский и Кунгурский. С 16 октября 1900 года по ходатайству епископа Антония (Храповицкого) назначен ректором Уфимской духовной семинарии. Мученически погиб 17 июня 1918 года.

работу. Наступившая неурядица в государстве пока не препятствовала его делу, напротив, счастливо развязала ему руки, и о. Григорий свободно расширял благотворение, проповедь, углубляя свое влияние на народ. Его любили, к нему привязывались, его почитали. Соборный храм все отчетливее вырисовывался как священный приют христианской любви и благодати. Однако не напрасно сказано: где святыня, там и соблазн. Батюшка о. || Григорий почувствовал это вскоре. Нежданно-негаданно он стал получать любовные письма. Когда он распечатал однажды перед службой первый синенький конверт, переданный ему через сестру-монахиню, и увидел перепечатанные на машинке строчки, он подумал, что это исповедь. Но читая письмо, он то краснел, то бледнел, встретясь с явно выраженным признанием в любви к нему женщины. Его охватил страх, что о письме может узнать болезненно подозрительная матушка. Он нервно тут же, в алтаре, разорвал листок с печатными строчками на мелкие кусочки и бросил в печь. Но даже и после этого с опасением смотрел на дьякона, боясь, не заметил ли тот его смущения при чтении письма и не догадался ли о его содержании. Письмо было от неизвестной, тем глубже волновался батюшка. Первым его порывом было предупредить писавшую, чтобы оставила его в покое. Но он тут же сообразил, что это невозможно. Кому и как он адресует свой упрек? Монахиня получила письмо от какой-то матушки, ясное дело, из вторых рук. Нужно ли доискиваться при таких условиях автора признаний? Кое-как успокоился о. Григорий, надеясь, что первое письмо будет и последним. Увы. За следующей же воскресной всенощной мальчик-служка невинно вручил ему второе послание. Батюшка не мог не прочитать его. Он испуган- || но разорвал и бросил в печь и это письмо. Но уже знал, л. 23 об. что помешать попаданию в его руки синеньким конвертам он не в состоянии. А смелая и исступленная женщина точно дразнила его своей интригой: каждый раз передавала письма то через одного, то через другого. О. Григорий не мог даже отказаться принять конверт, чтобы не выдать себя. Так постепенно он привык к ним. Страх перед возможностью скандала мало-помалу притупился. Вместе с тем, почувствовался и интерес к письмам. В этом не было ничего предосудительного. Как-никак, в посланиях обнаруживалась живая душа. Ее отклики на батюшкины слова и дела дышали высоким увлечением и могли казаться весьма для него приятными. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что Загу-

прот. Николай Буткин

Ил. 1. Спасо-Преображенский собор, 1924 год

менных перестал бросать письма влюбленной женщины. А осторожно прятал их в свой письменный стол. Так образовалась их целая связка. Думаем, что для читателей нашей книги небезынтересно будет перечсть их. Всех писем в связке было двенадцать, причем последнее передано было батюшке из тюрьмы, куда в марте 1918 г. попала виновница романа. События с течением времени раскрыли инкогнито писавшей. Ею оказалась не кто другой, как известная уже нам учительница гимназии Лидия Сергеевна Галямина⁵⁴. Из писем мы узнаём историю ее любви к батюшке. Здесь же добавим, что ко времени встречи с о. Григорием, она была вдо- || вой. С мужем, судебным следователем, прожила только л. 24 об. три года. Брак был не из счастливых. Муж пил и кончил самоубийством, не оставив ей детей. Овдовев, Галямина приехала из провинции в город Ш[адрин]ск. Здесь ей удалось занять место учительницы русского языка в младших классах гимназии, и она жила безбедно. К началу романа ей минуло только 30 лет. Вот и все. А теперь приступим к чтению писем.

[Письмо 1]

Дорогой батюшка!

Будучи студентом в Казани, вы, наверное, бывали на «Пиковой даме» в театре. Помните арию Лизы: «Ах, истомилась, устала я. Ночью и днем всё-то о нем», — точно так чувствую я себя. Вы завладели моим сердцем. Ваша красота волнует кровь мою, и я страдаю. Будете ли негодовать на меня за то, что изливаю перед Вами свою любовь и муку? Ведь я же ничего не требую от Вас. О, конечно, была бы счастлива, если бы Вы хоть чем-нибудь отозвались на мои письма. Но зачем мечтать о несбыточном? Я прекрасно понимаю, что это много, слишком много для меня. Поэтому я не жду от вас ничего. Но все же хочется знать, что вы не пылаете гневом против меня. Увы! Я не могу знать даже этого, потому что сама решила остаться для Вас неизвестной. Однако не думаю, чтобы Вы были суровы к любящей женщине и видели в ней, как древний монах, только сосуд дьявола. Чувство мое не обманывает меня. Вы слишком мягки и об- || разованны. А образование если не делает праведным, л. 25 то все же сообщает душе человечность и, значит, учит извинять страдающего. Будьте же сострадательны ко мне. Я хочу Вашего терпения и снисходительности. Кто знает, не суждено ли мне, пройдя через страст-

⁵⁴ Вероятно, имя, отчество и фамилия изменены.

ную любовь к Вам, возродиться душой, и Вы ли, ищущий заблудших, с негодованием отвернетесь от моей исповеди? Ах, батюшка, милый! Как напряженно, если бы вы знали, ищу я в Вас успокоения на свои тревоги.

Вчера я стояла у всенощной. Вы читали Евангелие о Марии Магдалине. Нужно ли повторять, что так, как Вы читаете Евангелие, ни от кого другого не услышишь. Вы даете в передаче живую картину священного события. И вот, я слушала вас и видела перед собой сад, мятущуюся женщину в нем. А далее Вы так проникновенно, словно сам переживали с мироносицей ее скорбь, читали: «Господи! Аще Ты еси взял Его, повеждь ми, где еси положил Его». Внезапная мысль осенила меня. Что-то подсказало, что Вы, читая эти глубоко выразительные стихи Евангелия, на мгновение подумали обо мне, о моей скорби. Я приподнялась душой, а Вы показались мне бесконечно дорогим и близким. Конец службы простояла в каком-то необыкновенном экстазе. Когда подходила к вам вместе с другими за благословением, сердце вдруг забилося от страха:

л. 25 об. «А что, если выдам себя чем-нибудь?». Жуткая мысль || лишила меня возможности поцеловать Вашу руку так, как я хотела. Но для меня и того, что я прикоснулась к милой, нежной руке, достаточно. Капля воды для умирающего от жажды ведь тоже много значит! А я такая же жаждущая. Простите и благословите любящую вас Н.

[Письмо] 2

Дорогой батюшка!

Мне запомнились слова из вашей беседы: «Храм далеко не все в жизни христианина. Это не центр ее, а только чувствилище, где то, что берет душа от жизни, оформляется, выражается в стихе и песнопении и несется к Богу как вздох, слеза и радостный гимн исповедания». Хорошие слова! Их много черпаешь из Ваших проповедей. Кое-что я записываю для себя на память. Но иногда думаю все же по-своему. Что Вы сделаете со мной, если я, например, скажу: храм для меня — все! В нем я вижу Вас. Здесь Вы принадлежите всем, следовательно, и мне, в храме отдыхает мое измученное сердце. Люди сказали бы, что я не молиться хожу. Может быть, и так. Знаю одно, я живу в храме. Как сладки душе моей слова: «Ты моя крепость, Господи, Ты моя и Сила, Ты мой Бог, Ты мое радование!». Признаюсь: в этих словах я вижу Вас. Но не думаю кощунствовать. Просто в моем сердце простое исповедание преломляет-

ся сквозь призму моей любви. Становятся ли от этого церковные слова поруганиями? || Уничтожила ли я любовь к Богу? Напротив, через по- л. 26
глощающее меня чувство тяготения к Вам, я живо представляю, какова может быть любовь человека к Богу. Так родится из моей страсти к вам религиозное познание. И скажите, батюшка, по совести, разве через это не освящается мое чувство?

О многом хотелось бы поговорить с Вами, но как подойти к Вам? Грешница, я завидую тем, кого вижу с Вами. Я ревную Вас к ним. В самом деле, не странно ли? Ведь вы для них случайный гость на перепутье. Они с интересом послушают Вас, возьмут от Вас что нужно и оставят Вас, занятые собой всецело. Тем не менее, они считают Вас своим и назойливо беспокоят Вас своими просьбами. Почему же я не смею подойти к Вам? Ведь Вы мой бог, мое радование! И от Вас я никуда не уйду. Не больше ли я имею прав, чтобы побеседовать с Вами?

Мне бы, например, очень хотелось слышать Ваше мнение о женской любви. Я часто думаю, на пагубу ли свою я полюбила Вас или во спасение? Что я несчастна — это несомненно. Но заметьте, батюшка, есть и другая сторона: во мне растет религиозное сознание. Когда я вдумывалась так в Евангелие, как Вы, моя любовь, научили меня думать? Я и из службы многое переживаю по-новому. Укажу на пример. Бывало, читает священник молит- || ву на освящение хлебов. Слышим: «Благо- л. 26 об.
слови и хлебы сия, пшеницу, вино и елей». Воспринимаешь это как текст из Катехизиса, догму религиозной мысли, памятью, а не сердцем. Но вот служите Вы, и я теперь жду момента, когда на литии прочтете эту молитву. В Вашей передаче слова оживают. Вы подаете их как художник. В моей голове предносится величественный образ Христа, Который все благословляет и освящает. Впервые через Ваше служение осознала я и почувствовала, что в молитве на благословение хлебов главное не в словах: «Благослови хлебы сия», а в том, что «Яко Ты еси благословляяй и освящаяй всяческая, Христе Боже наш». Так возвышенно и проникновенно подчеркиваете Вы в произношении эти слова! Их радостный смысл, глубину содержания нельзя не почувствовать. Мое сердце трепещет, в сознании вдруг вспыхивает дерзновенная мысль: «Грех, страсть, зло живут и губят душу, пока нет Христа. От соприкосновения же с Ним все в человеке освящается и преображается». Не дано ли и мне испытать на себе Его Живительную силу? Такие мысли сходят на меня в храме. А

дома, по ночам, я томлюсь и страдаю. Ведь люблю я Вас страстно. Грешные желания взбудораживают всю душу и я не в состоянии им противиться. Говорите мне об аде и огне геенском, о вечных мучениях — ничто не ослабит влечения к Вам. Хочу быть Вашей, хочу, чтобы Вы были
л. 27 со мной. Быть может, если бы поговорила с Вами, это подкрепило бы меня. Но как признаться? Боюсь, при одной мысли дрожу от страха. Теперь, пока Вы меня не знаете, я могу хоть писать Вам, облегчая свое сердце. А тогда? Нет, уж пусть останусь одинокой, со своей мукой. Вы же светите, как солнце, и пусть дальше бегут от Вас всякие неприятности. Иногда, впрочем, Вы бываете чем-то подавлены. О, как больно тогда мне смотреть на Вас. Так бы и бросилась к Вам, чтобы разделить и развеять Вашу грусть. Не доводите же меня до безрассудства и будьте радостны всегда.

Любящая Вас Н.

[Письмо] 3

Дорогой батюшка!

Какое сильное впечатление оставляют Ваши проповеди и беседы! Не сужу о себе, но вижу, и другие уходят из храма, будто из-за стола — насыщенными, довольными. Говорить ли Вам спасибо? Нет, это слишком мало. Нет, хочется рассыпать перед Вами не слова благодарности, а принести то исповедание, которое лучше может поддержать Вас и утешить. Батюшка, милый! Вы — истинный пастырь Христов и делаете Его дело на земле. Праздник Введения Вы превратили в день сплошного упоения церковностью. О службе не говорю. Она всегда у Вас религиозно полна и жизненна. Но проповедь заключала целое богатство картин и
л. 27 об. мыслей. Взять || хотя бы картину из Лурда ночного Крестного хода со свечами вокруг горы. Вы воспользовались ею как символом восхождения людей к небу вслед Богоматери. Впечатление огромное. А как прекрасна мысль, что Божия Матерь это живой образ обновленной земли. «Радуйся, земля святая». «Радуйся, Ею же обновляется тварь». Эта похвала Богородице вдруг получила для меня близкий сердцу смысл. Всей душой откликнулась я на те Ваши слова, где Вы выясняли, что во святилище Неба мы проникаем через тишину чувств и покой природы. Живя в храме целые дни и к тому же страдая глухотой (простите, что напоминаю об этом) Вы, батюшка, и не представляете, сколько теперь бестол-

кового шума на людях, как все исступленно ударились в споры, борьбу и авантюризм. Не хочу разбираться в политике. Но меня душит крик людской, постоянные скопища, прорывающиеся в словах ненависть и жадность. Хочется уйти, скрыться: Вы угадали стихийную жажду души к тишине и покою.

Обедня кончилась. Люди двинулись из храма. Я осталась. Ведь Вы тоже не пошли домой. Видела приготовления к приему детей, дождалась их дружного прибытия после нескольких ударов большого колокола. Храм молитвы превратился в школу. Я смотрела на все из своего угла и думала. Только год с небольшим прослужили Вы в городе, а как преобразился собор, изменилась церковная жизнь и люди! Не будь Вас, эти женщины, хлопочущие о столах для детей, си- || дели бы дома, ища, л. 28 с кем бы посудачить от скуки. Вы дали им живое дело и вот, вижу, как горят от возбуждения их лица, как полно бьется их жизненный пульс. А дети? Когда, от кого в церкви видели они такое внимание, ласку? Вот кончились их получасовые беседы с наставницами. В канцелярии и в храме рядом раскинуты столы. Началась детская вечеря любви. Сколько народа смотрят, радуются за малышей, удивляются щедрости и нежности, расточаемой к ним. Вас я не видела, но домой все же не пошла. Зачем? Ведь времени уже много. В двери храма уже входят старушки. Через $\frac{3}{4}$ часа начнется акафист и концерт. Встречаешь и здесь все новое. Как стройно и с каким одушевлением поет народ припевы к акафисту! Не дают уставать. Хорошо. Прекрасно исполнял и хор №№⁵⁵ песнопений. Я чувствовала себя зачарованной и так приятно было сознавать, что день провела в церкви и забыла о своих скорбях и одинокой муке. Но я, наверно, уже утомила Вас. Простите и благословите любящую Вас Н.

[Письмо] 4

Дорогой батюшка!

Я теряюсь в противоречиях. Я изнываю в борьбе. Моя любовь к Вам бурно хлопочет и понуждает меня к безумствам. Мне уже мало видеть Вас в храме. Сегодняшнюю ночь я провела, ходя по улице против Вашего дома и сидя там на лавочке. Вы || долго сидели в кабинете, окно которого выходит л. 28 об. на улицу. Раз я видела на шторе тень, только не Вашу. Вероятно, матушка заходила к Вам. Потом мне показалось, что Вы молились. Я не отрывала

⁵⁵ «№№» — сокращение заменяет слово «номера».

глаз от окна. Вдруг огонь в кабинете погас, и страстные неудержимые желания захватили меня. Я мысленно прошла в Вашу спальню. Я представляла Вас раздетым, беленьким. В мечтах моих был грех и сладость...

Скажет ли Вам на исповеди какая-либо женщина то, что открываю я? Если услышите что-либо подобное, не думайте о ней, как и обо мне плохо. Признание не падение, а признак борьбы. Вы лучше меня знаете, как много в нас, грешных, страстей и влечений. Я удручена их натиском и не вижу выхода. Мне надо умереть, или я сойду с ума. Середины нет. Во мне возмутилась вся глубь. Я на краю бездны. Вы один могли бы помочь мне, да и то... не словами утешения. Слова не успокоят. Я уже перешагнула через грань благоразумия, мне видятся не тишина и мир, а ночи безумные, ночи бессонные. Батюшка! Помолитесь хоть обо мне. Слышала я, что когда утопает душа и нет на земле помощи, Господь Сам приходит к страдальцу с чудесным избавлением. Мне осталось только верить Ему. Вы же будьте ходатаем за безумно любящую Вас Н. ||

л. 29

[Письмо] 5

Дорогой батюшка!

Много воды утекло с тех пор, как я слегла. Неожиданно раскрылось и мое инкогнито. Вы, мой духовный отец, знаете теперь, кто беспокоит Вас письмами. Благодарю Вас от всей души за то, что навещали меня во время болезни и даже как будто ухаживали за мной. Не могу сказать, ко благу ли моему вымолили мне жизнь. Одно знаю: мне суждено мучиться. Время, однако, учит, что не слишком близко к сердцу нужно принимать свои скорби. Наша крестная возлагается ныне на всех, а на духовенство в особенности и, поскольку Вы стоите на свещнице, сердце мое дрожит за Вас. Но буди на все воля Божия. Мы, ш[адрин]цы, бесконечно счастливы тем, что тяжелые дни встречаем, имея перед собой Вас и Ваши дела. Пусть революция угрожает арестами многим, пусть отнимаются имущества, рушатся накопленные за жизнь капиталы; в какую бы скорбь ни повергали людей суровые действия правителей, видя Вас и слушая Ваши беседы, можно избежать отчаяния. Вспомню хотя бы последнюю Вашу проповедь. Какой прекрасный, многоговорящий текст взяли Вы для заголовка: «Это будут дни возмездия!» Прочти из Евангелия эти слова одна, я бы поняла их как грозное обнаружение гнева Божия и только. Но как отрадно и успокоительно для сердца Ваше толко-

вание! Слушаешь и || чувствуешь, что не все потеряно. Есть для ищущих милосердия Божия крепость и ограда — это храм. «Здесь, — внушительно сказали Вы, — алтарь убежища, перед которым удерживается меч Божий и смиряется гнев Его. Только храм в наши дни отделяет тех, кого хочет пощадить Господь, от тех, кои за неверие обречены на наказание». По моему мнению, эти прекрасные слова следует наклеить на видном месте во всех домах православных. Так они убедительны и отвечают насущной потребности. Мне даже пришла в голову мысль, а что, если бы я на машинке отпечатала листочки с золотыми словами?⁵⁶ Могу сколько угодно экземпляров. Если Вам нравится мое предложение, скажите. Буду ждать ответа у клироса после беседы. А за сим позвольте, хоть и с опозданием, поздравить Вас, милый батюшка, с новолетием! Не знаю как для других, но для Вас 1918 год ДОЛЖЕН быть благоприятным уже по тому одному, чтобы показать нам, слабым в вере, что Господь знает Своих и даже в дни общих бедствий умеет избавить их от пагубы. Я, по крайней мере, смотрю на Вашу жизнь с этой точки зрения. Поэтому видеть Вас в благополучии для меня значит питать уверенность в силу и благость Божию. Будьте же успешны и хранимы Господом.

Неизменно любящая Вас Лидия Г[алями]на. ||

[Письмо] 6

л. 30

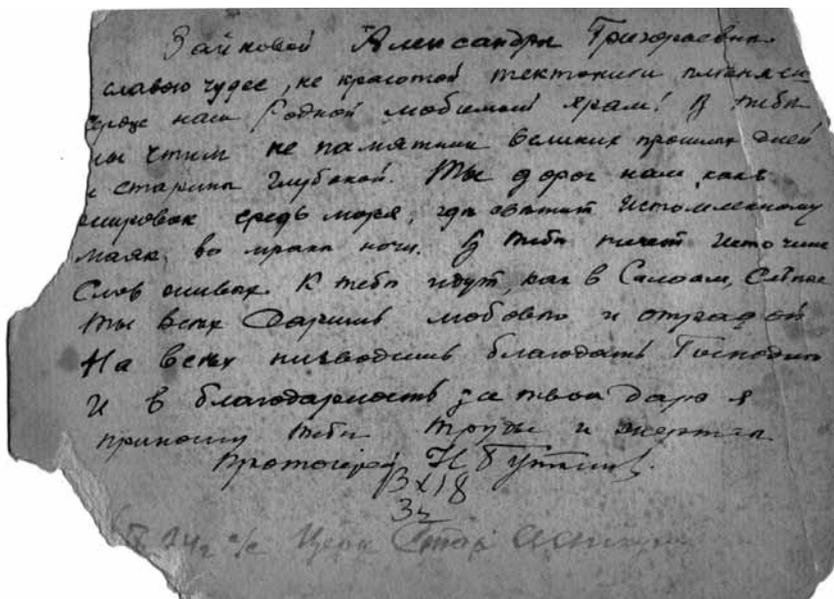
Дорогой батюшка!

Мне страшно за Вас, ведь к власти пришли большевики. Послушали бы Вы, что они кричат на митингах о «попах» и о Церкви. У меня есть знакомые интеллигенты-большевики. Я не отказываюсь при встрече говорить с ними. Признаюсь, даже на меня, в сущности, безразличную ко всему, они навевают ужас. Бомбардировка Кремля в Москве ясно показывает безмерность их дерзости. Они не испугаются ни голоса народа, ни протеста интеллигенции. Они слушают только себя, а их намерение — сдвинуть с устоев весь мир, испепелив все старое.

⁵⁶ В Спасо-Преображенском соборе сохранилась фотография внутреннего убранства храма, датированная сентябрем 1924 г. На ее обороте рукой прот. Николая Буткина написаны слова: «Не славою чудес, не красотой тектоники пленяет сердце наш родной любимый храм! В тебе мы чтим не памятник великих прошлых дней и старины глубокой. Ты дорог нам, как островок среди моря, где светит истомленному маяк во мраке ночи. К тебе идут, как в Силоам слепые. Ты всех даришь любовью и отрадой. На всех низводишь благодать Господню...» (см. ил. 2, ил. 3).

Ил. 2. Спасо-Преображенский собор. Внутреннее убранство. Сентябрь, 1924 г.

Ил. 3. Оборот фотографии с автографом прот. Николая Буткина

Когда, коснувшись в разговоре Вас, я указала на то, что Вы — батюшка исключительный, они только рассмеялись и загадочно заметили: «Чем он лучше, тем хуже для него». Я все же продолжала защищать Вас перед ними и сказала, что Вы стоите вне политики. Но на это услышала только: «Он — поп, и этого достаточно. Кто не с нами, тот против нас». Вот и попробуйте тут быть спокойным. Да ведь у таких людей и белое будет черным. А это значит, захотят извести — изведут. Жутко от этих мыслей, и мне не хотелось бы пугать Вас. Но не могу молчать. Простите, Батюшка милый, Вы, мне кажется, не учитываете опасности. Вы слишком смело в проповедях пари- || руете «их» выпады и как бы даже л. 30 об. дразните их. Указывать ли примеры? Извольте. Большевики кричат, что религия — опиум для народа. Вы в пику им говорите о массовом психозе. Они разжигают в народе ненависть к богатым. Вы, явно в их сторону, бросаете упрек в демагогии. Помните, в проповеди о Закхее, говорили: «Хотите ли видеть величие Христа как Учителя? Видя пред Собой богача, Он не потворствует алчности неудачников, не разжигает в народе, подобно хитрым политикам, ненависти к богатому. Он избирает путь исключительно трудный — убедить Закхея, чтобы он сам добровольно распростился с несправедным имуществом». Для умного достаточно, а большевики умны и мстительны. Вот почему я боюсь за Вас. Не смею советовать, но от всей души прошу. Поберегите себя. Не забудьте, Вы, и только Вы, не дали мне умереть. Когда Вы приходили ко мне с причастием, и после причастия, я чувствовала Вас, и этого было достаточно, чтобы искра жизни, начинавшая уже гаснуть во мне, вновь возгорелась. Что же будет со мной, если с Вами случится несчастье? Не вправе ли я упрекнуть Вас, зачем вызвали меня к жизни? Батюшка, милый! Я слабо держусь за жизнь. У меня единственная зацепка — Вы. Не гасите же льна курящегося и не ломайте камышовой тростинки. Так, кажется, || заповедано Вам в Евангелие? Была бы весьма благодарна, если бы л. 31 Вы уделите мне после беседы несколько минут и успокоили меня. Буду ждать Вас у клироса. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

[Письмо] 7

Дорогой батюшка!

Вспоминаю каждое слово нашей с Вами беседы. Признаю, Вы проявили в отношении меня полноту снисходительности и благожелания. Но Вы

адресовались к душе своей, хотя и заблудшей овцы, а пред Вами сидел бесенок. Впервые я видела Вас так близко, и мы были наедине, хотя и под сенью храма. И вот, во мне поднялась буря. Увлечшись наставлениями, Вы не заметили, какие страстные взгляды бросала я на Вас. Тем более невдомек Вам было, какие нецеломудренные мысли обуревали мое сердце. Младенец Вы чистый! Дитя Вы милое! Ведь мне хотелось целовать Вас. Я вся дрожала в лихорадке... только не от простуды. В ушах отдавались Ваши слова: «Вы должны понять, что я — священник»; «Боритесь со своим чувством»; «Я готов помочь вам как друг». Я слушала, но ни одно из этих охлаждающих слов не доходило до сердца. Я жила своим желанием. Во мне бурлило вырвавшееся из берегов чувство. Бес науськивал на Вас: «Поцелуй хоть раз, возьми свое и убеги». Слава Богу! Ничего л. 31 об. не || случилось. Храм для Вас оказался надежной охраной. Я поняла это ясно, когда после еле сдерживаемого порыва, стала приходить в себя. Вы продолжали спокойно излагать свои советы. Я старалась слушать, занятая в то же время самоанализом, и вдруг бес отошел от меня. Вы, увидав слезы на глазах моих, испугались, и на всю жизнь будет памятен мне тот момент, когда Вы, как доктор, сестра милосердия, как истинный христианин в порыве сострадания, кинулись утешать меня. Тогда я поняла все. Много и раньше размышляла я над своим чувством к Вам.

Каюсь, были моменты, когда я мечтала совратить Вас. Но только тут, в конце беседы, видя Вашу искреннюю растерянность при моих слезах, я осознала вполне, до чего было бы ужасно и пошло видеть Ваше падение. Сердцем женщины почувствовала я, что Вы не можете быть моим. Но Вы не принадлежите и другой. Вы — ничей. Вот мой вывод. С супругой Вы, может быть, и живете, но страсти женщине дать Вы не можете. Душа Ваша бесплотна, и Вы в состоянии лишь платить дань плоти, а не жить ей. Я была безумной, когда намеревалась повернуть Вас к земле. Для Вас поэзия земной любви — грех, и вы не сможете сбросить с себя этого морального сознания, если бы даже и согласились, каким-нибудь образом, на грех.

л. 32 Батюшка милый! Я сознаю глубоко || свою вину перед Вами и, если решилась все же на откровенность в этом письме, то только потому, чтобы полнее убедились Вы в моем раскаянии. Простите меня. О том, как мне быть теперь, что делать, побеседую с вами, с Вашего разрешения, в следующий раз, а пока прошу об одном: не настаивайте, чтобы

я скрылась с Вашего горизонта. Опасаться меня Вам нечего. Мою любовь к Вам, конечно, ничем не вытравить, но я безвредна теперь и хотела бы только одного — быть при Вас. Где-то в Писании сказано, что у Бога есть сосуды золотые и глиняные. Я бы не прочь быть самым плохоньким горшком в Вашем хозяйстве. Или я ни на что не годна? Помилосердствуйте, батюшка, и придумайте что-нибудь для Вашей покорной любящей Лидии Г[альями]ной.

[Письмо] 8

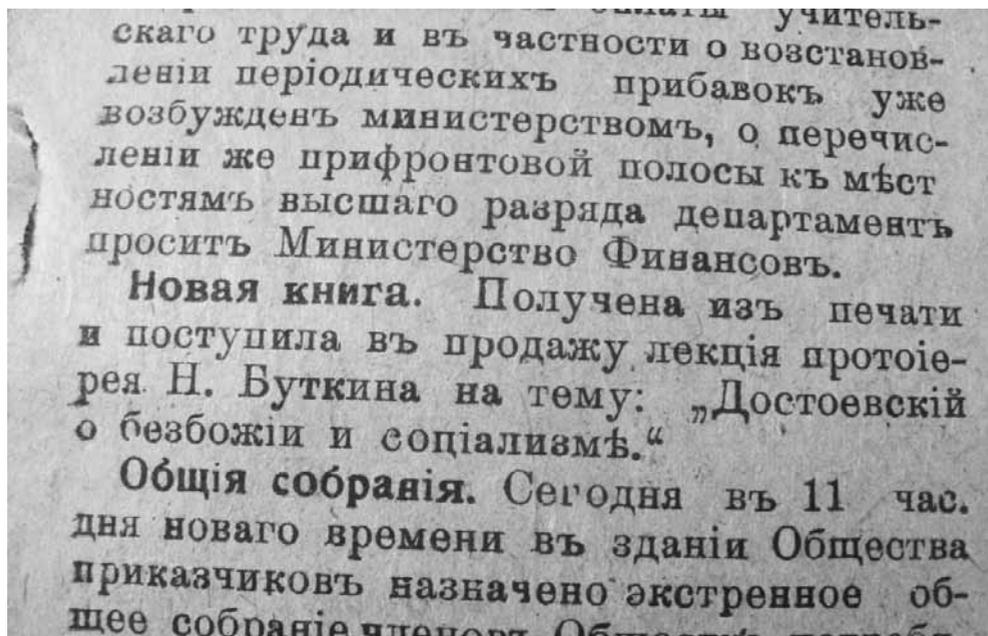
Дорогой батюшка!

Прежде всего, считаю нужным предупредить, что пишу Вам не свое личное мнение, а то, о чем говорят Ваши друзья. Будьте осторожны. Вывешенное на дверях собора объявление о лекции на тему «Достоевский о социализме и безбожии»⁵⁷ не на шутку раздражило большевиков. Я сама слышала такого сорта замечание: «И чего наши комиссары возжуются с попом Григорием? Ведь явно мутит народ»⁵⁸. К тому же Вы, говорят, получили записку || с угрозой: «Нож точится на тебя». Что хотите, л. 32 об. а пренебрегать осторожностью не следует после таких «милых» выражений свободы. Ведь убийство темными людьми духовенства — факт. К чему же испытывать судьбу? Лекция, как она ни заманчива, все же только роскошь. В другое время мы бы только радовались, что Вы так щедро рассыпаете вокруг нас свои таланты. Но теперь, ввиду прямых угроз, с тревогой спрашиваешь: нужно ли из-за роскоши рисковать необходимым?

Вы, вероятно, заметили мое присутствие на Ваших религиозных беседах с девицами-гимназистками? Удивительно полноценны и увлекательны эти часы. Молодежь в восхищении от занятий. Я сама слушаю Ваш раз-

⁵⁷ Позднее текст лекции вышел в печать отдельной книжкой. Новость об этом событии опубликовала «Народная газета» № 136 от 29 июня 1919 г. (см. ил. 4).

⁵⁸ После революционного переворота прот. Николай Буткин продолжает выступать перед широкой общественностью: большую полемику вызвало выступление на тему «Лев Толстой и демократическая школа» (Народная газета. 1919. № 3. 4 января), в зале Общества приказчиков им прочитана лекция «Интеллигенция перед религиозной задачей момента» (Народная газета. 1919. № 68. 30 марта), отдельной книжкой вышла лекция «Достоевский о безбожии и социализме» (см.: сн. 55), он организовал «Вечер скорби» для сбора пожертвований в помощь оставшимся без средств семьям духовенства, с прочтением лекции «Жизненная драма духовенства» (Народная газета. 1919. № 86. 27 апреля).

Ил. 4. Народная газета, № 136 от 29 июня 1919 года

бор литературныхъ произведеній с неустаннымъ интересом. Это Ваше дело может принести самые восхитительные плоды. Взвесьте же, Бога ради, что ставите Вы на карту лекцией о Достоевском, и снимете ее с очереди.

Как-то неловко писать здесь о себе, но Вы же пастырь добрый и не посмеете махнуть рукой на то, что переживает одна заблудшая овца. А мое настроеніе таково: не скажу, что совсем избавилась от мятежныхъ чувствъ, но сознание тщетности намереній ослабило силу желаній. Зато я чаще и чаще стала задумываться над вопросом: для чего живу?

л. 33 Кого радую? Кому приношу пользу? || Бесцельность существования вырисовывается все яснее и гнетет все сильнее. Хочется поставить +⁵⁹ над собой. Этому мешает лишь Ваше присутствіе. Мне интересно видеть, слышать, наблюдать, что делается Вами. Когда я в храме, я забываюсь, живу всецело впечатленіями от Вашихъ бесед, службы и собраний. Но представьте, с Вами случится что-нибудь роковое. Тогда пустота, абсолютная пустота, окружит меня со всехъ сторон. Мне жутко при одной мысли о ней. Я боюсь ее больше, чемъ люди страшатся демоновъ, адскихъ мученій. Тамъ хоть огонь, черви, страданія, но все же жизнь, а передо

⁵⁹ Знак «+» заменяет слово «крест».

мною одна пустыня, и я одна в ней. Что мне делать? Зачем тут надо быть? Чувство недоумения так велико, что соблазн уйти из мира добровольно представляется единственным разумным выходом. У меня про запас хранится и револьвер для этого. Один толчок, и я готова. Но не бойтесь, батюшка! Пока Вы живы и благополучны, «этого» не будет. Заблудшая овца говорит о самоубийстве только для того пока, чтобы и этим признанием побудить Вас поберечь себя для нас, для меня, для Церкви Божией. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

[Письмо] 9

Дорогой батюшка!

Ну могла ли я думать, что своею исповедью о самоубийстве вызову Вас на те превосходные рассуждения, которые Вам угодно было пере- || дать л. 33 об. мне вместе с письмецом, настолько милым и бесконечно ценным, что я не знаю, не умею, как благодарить Вас. Вы слишком великодушны ко мне. Другой на Вашем месте не велел бы мне и на глаза показываться, отшатнулся бы от меня, как от зачумленной. Тем удивительнее Ваше снисхождение. Откуда оно? Уверены ли Вы в чистоте своей, которую не может загрязнить страсть женщины, не любимой Вами? Мне этот мотив не по душе. В нем есть большая доза презрения и самоуверенности. Могу ли я согласить эти свойства с несомненными чертами Вашей души — мягкостью и доступностью? Надо, следовательно, искать другого объяснения — и я его нахожу. Вы, очевидно, знаете, что во всякой страсти неудовлетворенной и серьезной есть элемент страдания. Чувствуя его в ближнем, Вы не можете пройти мимо и, как самарянин в притче Спасителя, склоняетесь к нему с любовью и милосердием.

Вы видите, батюшка, я настолько осмелела, что хочу и в Вас видеть страдание, чтобы объяснить Ваше сочувствие к грешнице. Извиняюсь за дерзость, тем не менее, убеждена, что для человека есть только один путь к сердцу другого — это собственное страдание.

Милый, бесконечно дорогой батюшка! Когда я думаю так о Вас, во мне самой гаснет все плотское, и я радостно чувствую, что в душе моей образу- || ется как бы мост, чтобы перейти через пропасть, разделяющую л. 34 меня от Вас. Я сама одухотворяюсь. А в таком случае не оправдывается ли Ваше сочувствие к грешным и не стоит ли оно выше эгоистического оберегания своей праведности? В одной из бесед Вы затрагивали этот

вопрос. Помните, вы говорили о письме Феофана Затворника к о. Иоанну Кронштадтскому? Я тогда мало поняла смысл переписки. Теперь мне все открылось. Вы предпочитаете путь сострадания к немощам других аскетизму⁶⁰. Я не могу не радоваться этому, испытав собственной персонной живительность Вашего влияния. В благодарность за внимание я перепечатаваю на машинке Ваши «Мысли о самоубийстве». Уверена, что они встретят большой интерес в среде молодежи. Вы раздайте листочки своим барышням-ученицам. На случай, кому надо будет подарить, у Вас останутся еще. Мне же приятно будет сознание, что могу услужить Вам.

Написано много по поводу письма, а о самом письме ни слова. Оставляю это до будущего раза. Простите и благословите любящую Вас Лидию.

В связке писем, которые мы публикуем, лежали и печатные листки с мыслями о самоубийстве. Познакомим поэтому читателя и с этим документом. ||

л. 34 об.

Мысли о самоубийстве

§ 1. На первый взгляд, может показаться странным, что Христос в Евангелии ни словом не обмолвился о таком значительном факте, как самоубийство. Но пойдем Его учение. Он видел, что мир под именем жизни вскрывает только господство смерти. Она врывается в существование человеческое во все щели и трещины, как вода. Самоубийство поэтому не есть что-либо исключительное в строе мировой жизни. Это просто частный случай смерти. Самоубийца идет не против природы, а лишь ускоряет ее течение. И протестовать надо не против самовольного покушения на жизнь, а против господства в мире смерти вообще. Христос так и ставит вопрос: или жизнь, или смерть.

⁶⁰ 18 ноября 1912 г. в зале Екатеринбургского общественного собрания свящ. Николай Буткин прочитал лекцию «Аскетизм и христианство». В этой работе автор обличил одну из серьезнейших подмен современной церковной жизни. Он писал о том, что такие традиционные аскетические средства, как пост, молитва, чтение Писания стали самодовлеющими в церковном сознании, вытеснив евангельские смыслы служения. Откликаясь на идеи Н. А. Бердяева, о. Николай делал акцент на том, что путь самоспасения и самосовершенствования в Церкви ущербен, так как человек призывается к большому — к творческому делу в мире, к соучастию в Божьем деле, в деле миротворения и мироустроения (ЕЕВ. 1913. № 4. Отд. неоф. С. 200).

§ 2. Тот, кто склоняется мыслью к самоубийству, подчиняется всецело закону смерти и раболепствует перед слепой природой. Он отказывается от выигрыша. Но во что же обращает он свою жизнь? В игру случая, в пустое место. Человек случайно родился, поболтался на свете и ушел, ничего не увидев и не узнав. От самоубийцы не остается ничего. Он не оценил разума, который зовет нас к созданию новой жизни, достойной человека. Он не умел понять сокровища сердца человеческого, способного вместить в себя все лучшее в мире, чтобы создать в себе алтарь вселенской красоты. Самоубийца пренебрег усилиями человечества воплотить в жизни идеалы истины и добра и ушел из жизни, как Иуда с вечера, чтобы бросить хлеб, принятый из рук Христа, в темноту ночи. Самоубийца уравнял человека со псом и мошкой и плюнул на жизнь, повергнув великий дар на землю. Он — мот и глупец, не оценивший своих преимуществ: Христос вскрыл Своим ученикам все убожество самоубийцы. л. 35

§ 3. «Мои слова — дух и жизнь». Дух — синоним идеала истины, добра и красоты. Жизнь без идеала — *ничто*⁶¹. Это значит, нет жизни без *духа*⁶². Только имеющий *дух*⁶³ пользуется и природой, и разумом, сообщая бытию смысл и радость. Дух безмерен, потому что создаваемая им жизнь выше смерти. Гомер, создатель «Илиады», бессмертен. Данте переживает века и историю. Шекспир всем народам родной и для всех дорог. Но гении — не исключение. На их примере только яснее обнаруживается тайна бессмертия, присущая всем, кто имеет *дух*⁶⁴. Пахарь, работница, интеллигент — все строят в себе основания бессмертия, потому что оно создается на порывах воли, взлетов ума, борения чувств за идеалы. Природа, все, что есть, для нас только опора к взлету ввысь, но ничуть не ложе. Тот кто почивает на достигнутом, утверждает лишь царство смерти. Но все же он не на одном пути с самоубийцей. От последнего || его отталкивают испытания и несчастья. л. 35 об.

§ 4. Затруднения в жизни и тем более несчастья ничего из сокровищ духа не отнимают и не разрушают. Они только подводят дух к грани, где он должен взорвать оболочку плоти, как взрывает динамит гору, и расправить свои крылья. Страдания поэтому усиливают дух, подни-

⁶¹ Слова, выделенные в рукописи более крупными буквами, при публикации передаются *курсивом*.

⁶² То же.

⁶³ То же.

⁶⁴ То же.

мают его энергию. Даже смерть для духа уже не смерть, а исход к свободе и славе. Эта мысль — самое поразительное в благовестии Христа и освещена Им с удивительной силой в прощальной беседе.

Паникеры пасуют перед затруднениями. Они говорят: «Лучше пулю в лоб, чем терпеть и страдать». Несчастные! Они не подозревают истины. Но пусть осудят их те, которые стрелялись неудачно или превозмогли желание самоубийства. Горький в 19 лет покушался убить себя. Но ранил себя не смертельно и ожил. Что же? Разве он не достиг славы писателя и не оправдал преимущество жизни над смертью? Толстой Л. Н. тоже был на пороге к самоубийству, но поборол искушение, и разве не развернулся вслед за этим его гений? Истинно, борьба за идеал делает людей бессмертными. Самоубийцы же отнимают самое дорогое от себя — имя человека. Потому что человек только тот, кто верует.

л. 36 на || § 5. Вера для нас значит бесконечно много. Проникновенный взгляд || действительность обнаруживает, что мы стоим над бездной смерти. Все в природе падает в нее: травка, насекомое, города, государства и нации, даже целые планетные миры. Но Бог судил над этой бездной поставить человека. Он не дал ему крыльев, он не снял с него покрыва плоти, но наделил его разумом, вложил в него сердце чуткое и открыл ему свою любовь через Христа Спасителя. И чудное дело! С этими средствами человек стоит и не падает. Мало того, он дерзает и в царстве смерти утвердить жизнь вечную. На такую высоту силы и свободы поднимает его вера. Она говорит ему: не останавливайся на достигнутом. Высоко взлетает орел, но разве небо не выше его? Так ничтожны пред идеалом наши временные победы. Вера вступает на них, как на лесенки, но не останавливается, а смотрит выше, в даль безмерную, и в этом его счастье. Ибо оттуда, с высот небесных, смотрит на человека Отец Небесный и зовет к Себе. Сердце чувствует благость Его и полноту жизни в Нем и тяготением к Нему побеждает смерть. Верующий видит ее, как змею на пути, но не бежит, а смело идет на нее и пронзает ее копьем упования. Самоубийца не знает этих высот веры. Он — червь, пресмыкающийся по земле. И если все же в нем билось сердце человеческое, то каким надо быть бесчувственным, чтобы предать его сокровища в руки смерти? Иуда предатель — вот имя самоубийцы, и жребий его позор и забвение. ||

л. 36 об. § 6. Вера призывает человека к труду. Как не понять, что Царство Божие существует не рядом с миром смертным, а должно поглотить его?

Тленное обратится в нетление, и смертное — в бессмертие, но не механически, а через терпение и труд человечества. Еще никто не ставил для деятельности человеческой такой великой цели. Поэтому понятно, какая острая борьба завязывается в этом пункте. Князь мира силится так повернуть жизнь, что в ней все удовольствия и прелести открываются для праздных. Для тех же, кто трудится, готовится крест. Самоубийцы сплошь и рядом на этом и запинаются. Они обвиняют жизнь в ужасной несправедливости и лишением жизни хотят заявить протест против мирского зла. Но бесчинством от зла еще никто не побеждал зла. Это первое. Второе — разве не покрывает Христос все лишения и неправды, выпадающие на долю трудящихся, высокими благами, которые готовят труженики себе и другим в Царствии Божием? Нередко склонные к самоубийству жалуются, что для них не находится дела в жизни, и в этих жалобах — глубокая неправда. Надо верить в конечную цель человечества. Когда носишь эту веру в душе, то даже чашка студеной воды, поданная вовремя ближнему во имя Христа, зачтется как труд. Можно ли после этого отвертываться⁶⁵ от дела ради Царства Божия?

§ 7. Труд отталкивает тяжестью. Но ведь он таков только для тех, || кто не верит. Христос поэтому усиленно зовет человека поверить. Для л. 37 верующего труд открывает невидимую дорогу к радостям любви и дружбы. Приметьте и тот факт, что стоит только людям встать на общее дело, как сейчас же стираются грани отчужденности и один для другого становится братом. Труженики открывают души друг другу, и через эту близость растет в них сила жизни и бодрость. Слитые вместе, они и в лишениях находят источник радости. Обед из хлеба с квасом для косцов на лугу после жаркого труда кажется пиром, а чарка водки, обносимая по кругу, для них верх наслаждения. Счастье в любви и нетребовательности. Таково откровение, почерпаемое из труда. Чтобы понять и испытать его, надо спуститься с высоты своего «я» в массы и отбросить от себя всякую прихотливость. Для самоубийц существует другая этика. Они горды и прихотливы. Неисполненное желание для них равносильно крушению жизни. А призыв встать в ряды человечества они принимают за оскорбление. Так брыкается необъезженный жеребчик. А мальчишка, которому отец не дал пряника, хочет мстить ему своею смертью. Но быть юнцом по уму и жеребчиком по нраву так ли уж завидно? Мы

⁶⁵ Отворачиваться.

живем не для самолюбия и прихоти, а для того, чтобы общей семьей, л. 37 об. братством поколений построить новый || мир, где правда живет и где нет ни вздыханий, ни смерти, но жизнь бесконечная.

§ 8. Стоит ли жить после этого? Думается, что даже и выбора быть не может. Ведь в смерти нет ничего ни для себя, ни для других. Умер, и как будто не было тебя. Не то в работе жизни. Сколько здесь оправданных надежд, радостных побед, возвышающих душу познаний! Нет, что бы ни говорили малодушные, жизнь есть ни с чем не сравнимое благо.

Скажут, что ее счастье застигается горем, слезами, смертью. Что же? Ведь и золото лежит под землей в воде и грязи. Но ведь это не удерживает же людей от того, чтобы с большим трудом отыскивать его. Почему же жизнь мы должны ценить ниже золота? Не показывает ли самоубийца в себе лень и трусость, отказываясь от труда и подвига? Нередко трусливый рядится в одежду рыцаря чести и обиженного героя. Но если по одежде и встречают, то провожают уже по делам, и самоубийца лишает себя как сочувствия, так и дружбы.

§ 9. Самоубийц все же жалеют, а верующие не знают, молиться или нет за них. Но самоубийца, мы уже сказали, подобен Иуде предателю, а о нем Христос изрек: «Лучше бы ему не родиться». Не казнь и муку, заметьте, определяет Господь предателю — самоубийце, а попускает л. 38 быть ему ничем, сойти в нирвану, как будто он и || не родился. Чтобы оценить весь ужас этой судьбы, надо вспомнить, к чему предназначает нас Христос. Все появляется и исчезает из того, что начинается. Одному человеку дано, родившись, вкусить жизнь, какова бы она ни была по видимости, но пока мы ее терпим, мы беспрепятственно идем к вратам рая. Это обещано нам Христом, Который сказал, что никто из нас не погибнет, кроме сына погибели. А кто такой сын погибели, как не тот, кто сам себя зачеркивает и меняет жизнь на небытие? Ужаснись, человек, такого выбора и молись, как молится вся церковь в Великий Четверток на стоянии: «Избави мя, Господи, Иудина окаянства».

[Письмо] 10

Дорогой батюшка!

Итак, лекция о Достоевском все же состоялась⁶⁶. Вы не захотели отступить. К общему удовлетворению, чтение прошло благополучно, инци-

⁶⁶ См.: сн. 48, 58.

дентов не последовало. Но большевики показали, что они не безразличны к Вашим выступлениям. На этот раз, кроме стоящих в толпе шинелей, явились сами комиссары с револьверами на ремнях по форме и скопом стали на клиросе⁶⁷. Их присутствие нас волновало. Аудитория насторожилась. Один Вы или не хотели видеть, или не замечали ничего особенного. Я слушала Вас, не спуская глаз с клироса. Внимательно следили за Вами и комиссары, изредка || перешептываясь друг с другом. л. 38 об. Видимо, большой храм, наполненный до тесноты народом, и ничем не нарушаемая тишина производила на них сильное впечатление. Они слушали Вас. И не удивительно. Им было что послушать. Батюшка милый! Вы говорили так, точно исповедовали перед сонмищем врагов святыню веры своей. Вся лекция наполнена была хвалой Иисусу. И что замечательно, в Ваших словах не было ни задора, ни иронии по отношению к неверующим и, однако, слово правды развенчивало всякий героизм безбожия. Нельзя было не видеть его пустоты и убожества. Патетически прозвучал заключительный вывод. Вы говорили: «Тысячелетия культуры не изменили облика безбожников. На словах они ревнителы свободы. Послушать их — за них наука, на их стороне разум и все видные умы человечества. Казалось бы, при такой поддержке зачем воевать с верую-

⁶⁷ «К январю 1918 г. большие государственные перемены дошли до Шадринского уезда. Пестрая картина политических партий в уезде начинает меняться. Повсеместно по инициативе большевиков проходят собрания, цель которых — консолидировать силы под лозунгом: «Власть в стране признаем только советскую, как в центре, так и на местах». Стремительно происходит замена структур управления, созданных при Временном правительстве. «Правые эсеры назначили на 27 января созыв уездного крестьянского съезда. ... К съезду большевики тщательно готовились. По селам и деревням проводились собрания, на которых разъясняли решения II Всероссийского съезда Советов и последующие постановления Советского правительства. По просьбе совета в Шадринск из Екатеринбурга прибыло 30 красноармейцев с пулеметом. В ночь с 24 на 25 января 1918 г. состоялось совместное заседание исполкома Шадринского совета рабочих и солдатских депутатов и временного исполкома уездного совета крестьянских депутатов с участием представителей от рабочих. Докладчик А. А. Жданов <...> говорил о необходимости немедленного перехода власти как в городе (Шадринске), так и в уезде в руки советов. <...> Предложил план немедленного захвата власти в городе. Предложенный план был принят единодушно. Затем съездом были утверждены комиссары: городского самоуправления — Фёдоров, призрения — Кибасов, труда — Арыкин, земского самоуправления — Иванов, общественной безопасности — Петров, финансов — Бондюгин, земледелия — Жданов, юстиции — Кононов, продовольствия — Щуплецов, народного образования — Росляков» (Пашков А. А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007. С. 81–87).

щими огнем и мечом? Они могли бы, будучи в силе, использовать литературу, газету, театр, кафедру. Увы! Всего этого им не достаточно. Когда стоит перед ними истинный ученик Христа с одним оружием — горячей верой и словом убеждения, — воинствующие безбожники с каким-то паническим страхом хватаются за меч, и как прежде, в веках бескультурия, так и теперь, пускают в ход дреколья, аресты и казни с пытками».

При этих словах весь храм вперил свои взоры на клирос, где стояли комиссары. Ваш вызов был слишком || откровенен, и не знаю, мне ли одной так показалось, но они не вынесли упорных, вопрошающих взглядов народа, демонстративно вышли. Сердце у меня екнуло. Я и сейчас не спокойна, но не хочу наводить паники. Буди воля Божия! Говорю это тем искреннее, что лекция Ваша много просветила и меня, грешную, дав ясный и убедительный ответ на мои думы. Запали в душу слова: «Есть неверие, которое выражается нытьем, жалобами, что жизнь постыла и скучна. Такие нестроения позорны, постыдны, если посмотреть прямо на жизнь, где тысячи людей вокруг каждого из нас нуждаются в самой простой помощи, чтобы накормить, научить грамоте, утешить сочувствием и так далее». Не сомневаюсь — это я дала Вам повод к подобной реплике. И мне стыдно стало за себя. Батюшка дорогой! Помогите мне! В своем письме ко мне Вы уже делали попытку привлечь меня к церковному делу. Но я была в нерешительности. Не доставало импульса. Теперь я нашла его в лекции. Не откажитесь же побеседовать со мной как-нибудь на эту тему. Не пригожусь ли я в Вашем деле со своим умением печатать на машинке? Впрочем, чувствую, что этого мало. Мне надо не только прикоснуться к живому источнику, но окунуться в него. Придумайте же, батюшка, что-нибудь для меня. Теперь я чувствую больше, чем когда-либо, что моя любовь к Вам дана мне не на погибель, а во спасение. На Вас л. 39 об. вся моя || надежда. Делайте со мной, что хотите. Предаюсь Вам всецело.

Ваша навеки Лидия.

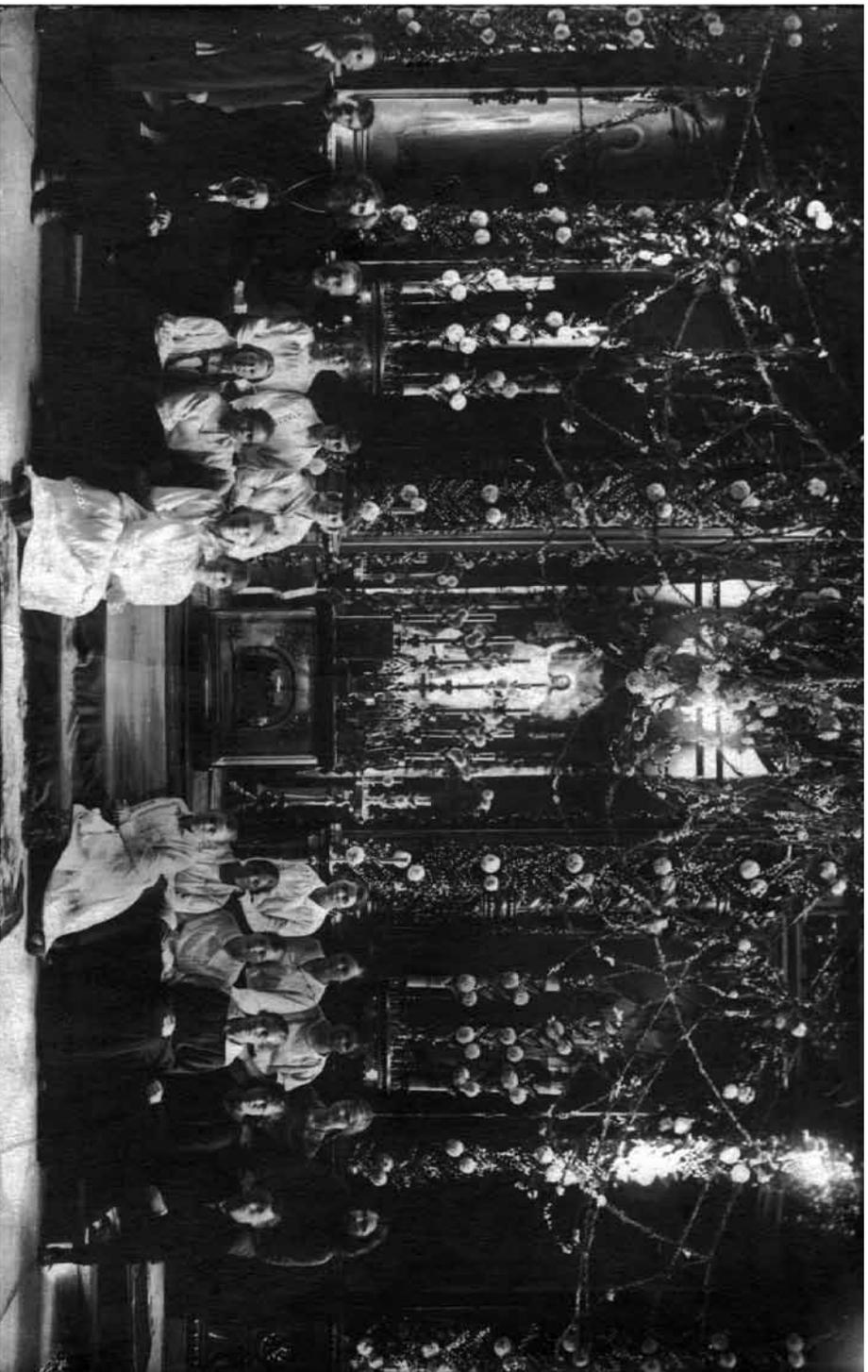
[Письмо] 11

Дорогой батюшка!

Ах, как хочется, чтобы никто и ничто не нарушало того мира и радости, которые даете Вы всем посещающим Ваш собор. Истинно, Вы сделали его для людей тихой пристанью. Лишь только входишь в храм, как чувствуешь: на

Ил. 5. Прихожане Спасо-Преображенского собора, в центре прот. Николай. 1920-е годы

*Ил. 6. Ктирос и могодежь Спасо-Преображенского собора на Пасху 1924 года.
Третий слева стоит прот. Александр Буткин родной брат прот. Николая*

тебя льются волны невидимой, но осязаемой жизни. На сердце становится тепло и приятно. Не раз я задумывалась над этой новой стороной впечатления от собора. Ходила я к службам его, да и до Вашего приезда, хотя и не так часто. Храм всегда оставлял, особенно зимой, ощущение подавленности. Прежде на зиму главная часть храма затворялась наглухо, а в передней части, где служили, низкие своды, маленькие алтари — точно налlepки, и слишком тесная ограниченность перспективы обрацали собор в какую-то старобоярскую палату. Мрачно и безвкусно! Шла служба, хор пел порядочно и прежде, но от стояния за всенощной и обедней оставалось только сознание: «Справила обязанность, теперь домой и в жизнь». При Вас все изменилось. Прежде всего, спасибо за то, что открыли и на зиму весь храм, служа по праздникам в главном приделе. Одно это говорит о том, что Вы — художник и умеете предельно || использовать все возможности для полноты л. 40 впечатления. Но что бы ни говорили о внешней красоте церкви, она приедается. Ваша заслуга в том, что вы не раскрашенными стенами и золотом утвари поддерживаете веру. Вы в само церковное дело внесли дух и жизнь. И вот я на себе испытываю перемену впечатления от храма. Прихожу всегда чуть не первой. Вхожу в пустые стены — нет пустоты. Храм живет. Его воздух словно колеблется от присутствия незримых волн. Ваши слова, вдохновенные призывы, тайна покаяния, возрождение душ, радостные встречи с Богом, дела любви — все это запечатлевается здесь и волнует сердце. Стен не чувствуется совсем. Видишь, ощущаешь в сосуде полноту движения и жизни. Таинственной, но пленительной и мощной. Есть Бог, есть благодать Его — твердят уста. Храм высмотрит⁶⁸ святыней⁶⁹, но не величественной и ослепляющей своей славой, а близкой и притягивающей, как Христос.

Вот пришла в собор одна из Ваших сотрудниц по благотворению. Прежде бы она, перекрестившись, встала на место в «страхе и благоговении», как учили нас на уроках Закона Божия. Теперь, сотворив поклоны, Варвара Семеновна скоренько, с узелком в руках бежит к сестре-монахине, зажигающей пред алтарем лампы. Поцеловалась, что-то спросила и направилась в канцелярию. Побывала там, оставила, что было в узелке, и вышла, направляясь прямо || ко мне. Здоровается с улыбочкой как своя, близкая и делится радостью: принесла сапоги для какого-нибудь малыша. Поговорили немного, ушла, а я думала: «Вот и секрет такого неожиданного преображения собора. л. 40 об.

⁶⁸ Выглядит.

⁶⁹ См.: сн. 56.

Он дышит любовью, его воздух насыщен милосердием. Каждый уголок в его стенах отмечен действием христианской веры и любви. Здесь не регистрируются факты чудесных исцелений, ошеломляющих сознание простецов. Но одно несомненное чудо проходит перед глазами людей через все дни Вашего служения. В храме так явственно и пленительно открывается христианская жизнь, и, пусть в малой степени, но мы видим все же действие благодати, о котором с таким воодушевлением говорится в Книге Деяний. Не мудрено, что люди идут теперь в собор массами и, знайте себе, стекаются сюда не ради иконы или мощей, а ради того, чтобы прикоснуться к благодатной Христовой жизни и самим ожить духовно.

Казалось бы, хранить и лелеять надо Ваше дело. Но в том-то и беда, потому-то и боится сердце, что все сильнее раздаются враждебные голоса: «Он» одурманивает народ, «Он» дает яд под видом милостыни, «Он» поддерживает слепоту и рабство в людях». Голоса становятся настойчивыми и угрожающими. И невольно спрашиваешь себя: «Что же это такое? Зажглась в церкви неугасимая лампада. Огонек горит и радуется. Люди с любовью мо-
л. 41 лятся, чтобы Бог сохранил для них свя- || той огонек, и неужели незаконный мир погасит его? Жутко подумать об этом. Душа возмущается, настаивает: «Не может этого быть. Бог не допустит». Но вспоминаешь Гефсиманскую ночь, акт неслыханного предательства, взятие Христа и суд над Ним. «Все возможно, всего можно ждать», — грустно отмечает сознание.

Простите, милый батюшка, мой страх и уныние. За последние дни я что-то расклеилась. Сердце чувствует словно беду. Но не хочу, не могу допустить, чтобы случилось что-нибудь с Вами. Поговорили бы Вы со мной и успокоили. Пока же иду в собор повидать Вас и забыться. Для меня и это — большое счастье.

Всей душой преданная Вам,
Лидия.

[Письмо] 12

Дорогой батюшка!

Какое несчастье. Так и не удалось побеседовать с Вами. Револьвер сгубил меня. Пришли с обыском. Наган отняли, а самое водворили в каземат, откуда и пишу Вам. Скучаю о Вас, о соборе. Если Господу угодно будет, чтобы я увидела свет, то не задумываясь посвящу Ему остаток жизни. Но для этого прошу, чтобы и Вы были с нами, благополучны. Помолитесь обо мне.

Любящая Вас Лидия. ||

Наско трезвыми назвали Богомо-
льа - Комедия с конками по по-
лём. С маленькими о домура и
Благодарили, производятся
Хлопот. Ещё на маленькой скалке
Балцерники Пришлиловы выданы
Митюня, то комель о додед Ны
Бывало Ни комель как Порежиных
дрожать Но он Смотри на это
Фило имать. После Увещания Тимон
Многие Стало давно Далеко и да-
вал Кривошума Свои Привычек
и укомнорова. Но в увещанье
тойка свободно в народе. Дитя
руки все Иобаваются наружу
'Одни из таких комель и
Лампа Богомоля, Они по комель

о. Бывало вела комель Иобав
или Боро в Мельничья Боро. А
Молоду Ирежиных Кривоша. По
ходило с конками по ролю. Он
'Приехали с ролей. Но всегда
Костюк в той духи и все на
Богмоля, как На поворе зю люди
вру бося. С повором же мага ин
показал это. Кора Кривошума
показал из ролей. Предложился
а ему с ролей. Предложился
Стея на повору. Той доквал
до первой Смоляк в том оде
горь Фра. Но оставили комель
Мог давал. Это комель Иобав
да комель. В том да, Боро
Боро. Кора. Не стая.

Протоиерей Николай Буткин (1882–1937)

Источники и литература

1. *Алексий (Дородницын), еп.* Византийские церковные мистики XIV века. Казань, 1906.
2. *Он же.* Опыт противощундистского катехизиса. Екатеринослав, 1899.
3. *Он же.* Религиозно-рационалистическое движение на юге России во второй половине XIX столетия. Казань, 1909.
4. *Он же.* Церковно-законодательная деятельность Карла Великого, 768–814. М., 1889.
5. *Он же.* Шалопутская община. М., 1891.
6. *Он же.* Южнорусский необаптизм, известный под именем штунды. Ставрополь, 1903.
7. *Бабкин М. А.* Духовенство Екатеринбургa и революционные события февраля-марта 1917 г. URL: <http://m-i-e.ru/articles/babkin-m-a/> (дата обращения: 15.12.2015).
8. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской Православной Церкви и политическая символика (весна 1917 г.) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Мат-лы Всеросс. научн.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.). Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. С. 267–270).
9. *Буткин Н., прот.* Роман «Виноградари. Часть I. Сеятель» (вступ. ст., публ. и прим. С. Г. Буткиной) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2014. № 2(8). С. 289–376.
10. *Буткин Н. Г.* Страницы моей жизни. Екатеринбург, 2011.
11. Верноподданный архипастырь: служение епископа Серафима (Голубятникова) в Екатеринбургской епархии / авт.-сост. В. В. Богомолов. Екатеринбург: Изд-во Уральского церковно-исторического общества, 2014. 359 с.
12. *Воробьева Н. А., Брандобовская Л. Б., Игнатъев А. А.* // Православная энциклопедия. Т. 21. С. 153–155.
13. *Евстафия (Морозова), мон.* Архиепископ Стефан (Знамировский) — ревнитель православия, проповедник, мученик // Православие в судьбе Урала и России: история и современность. С. 303–308.
14. Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1913. № 4; 1917. № 18–22.
15. *Иванова О. [В.].* Покаяние архимандрита Ксенофонта // Кифа. 2014. Декабрь. № 15 (185).
16. *Лавринов В., прот.* Екатеринбургская епархия. События. Люди. Храмы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.
17. Народная газета. 1919. № 3. 4 января; № 68. 30 марта; № 86. 27 апреля.
18. *Нечаев М. Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь, 2004.
19. «Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002.

прот. Николай Буткин

20. Оптинские старцы. М., 1990.
21. Пашков А.А. Борьба за власть в Шадринском уезде Пермской губернии (1917–1920). Шадринск, 2007.
22. Rogoznyy P. G. Церковная революция 1917 года (высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб.: Лики России, 2008.
23. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997.
24. Соловьёв В. С. Византизм и Россия // Он же. Собрание сочинений: в 9 т. СПб., 1912. Т. VII. С. 286–325.
25. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург, 1915.
26. Сухарев Ю. М. Биография протоиерея Иоанна Владимировича Сторожева (1878–1927) // История Свердловской области в архивных документах: Мат-лы научн.-практ. конф. Екатеринбург, 2014. С. 182–196.
27. Цыпин В., прот. Алексей (Дородницын Анемподист Яковлевич), еп. // Православная энциклопедия. Т. 1. С. 665–666.